

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 21 (2612)

Воскресенье, 12 марта 1950 г.

Цена 40 коп.

Сегодня — выборы в Верховный Совет СССР

Да здравствует непобедимый блок

коммунистов и беспартийных!

Иосиф Виссарионович СТАЛИН

Все на выборы!

День выборов в Верховный Совет СССР настал. Счастливым, торжественным, светлым днем!

Во всей нашей необъятной стране — сегодня праздник. Празднично на улицах Москвы, на улицах всех наших городов и сел. Празднично в каждом доме, в каждой семье. Празднично на душе у людей.

Советский народ выбирает сегодня депутатов верховного органа своего социалистического государства.

Еще едва только забрезжит заря снежного мартовского утра, а уж тысячи и десятки тысяч советских патриотов потянутся по улицам к избирательным участкам. Сколько радостных лиц можно будет увидеть сегодня в первые же часы выборов! Сколько чистых, от сердца идущих слов благодарности коммунистической партии и великому Сталину будет сказано тысячами старых и молодых людей, опустивших бюллетени в избирательные урны!

Чиста, пламенная и безгранична народная любовь к товарищу Сталину. Сталин — это жизнь, светлое настоящее и ясное будущее советских людей. Имя Сталина неотделимо от каждого нашего успеха, от каждой нашей победы, от всего нашего такого стремительного и могучего движения вперед. Где бы люди ни готовились к выборам — в Москве ли, в кубанской ли станице, в селах ли горного Алтая, на шахтах ли Донбасса, в Риге или во Владивостоке, в колхозах Киргизии или в городах у Ледовитого океана, — первая мысль избирателей — о Сталине.

Сталин — всенародный кандидат в депутаты Верховного Совета СССР. Так на нашей русской земле повелось с 1917 года, — сказал накануне выборов москвич, избиратель Яков Андрианович Чичин. — Если большой всенародный праздник, то отмечаю его сообща. У нас одна мысль и одна любовь. И радость у нас одна. Весь наш народ, что единая семья. За кого голосовать идем! За великого человека, за товарища Сталина!

Вместе с избирателями Сталинского избирательного округа города Москвы за великого Сталина, — а значит, за счастье, за новые трудовые победы, за коммунизм, за то, чтобы ширился международный фронт мира, демократии, социализма, — голосует вся страна.

Вся наша отчизна, все советские люди идут за Сталиным!

Избиратель! В те радостные минуты, когда ты направляешься на избирательный участок, чтобы выполнить свой гражданский долг, оглянься еще раз мысленно на пройденный страновый путь, на все, свершенное нами. Чем — была — и чем стала наша

Родина! Мы превратились в могущественную индустриально-колхозную державу, ставшую авангардом передового человечества. Мы построили самое разумное, самое передовое социалистическое общество. Мы уничтожили самое омерзительное, что только может быть в жизни, — эксплуатацию человека человеком, насилие одной человеческой воли над другой, рабство во всех его видах. Мы уничтожили социальный и национальный гнет. Мы создали государство, где многочисленные народы живут, как братья в дружной семье. Мы создали строй самый жизнеспособный в мире, построили государство, прочнее которого нет на земле.

И все это благодаря Ленину и Сталину, благодаря большевистской партии.

Советский Союз спас мир от Гитлера.

Еще, кажется, совсем недавно наша социалистическая отчизна находилась в окружении зловонных империалистических государств. «Меж штыков острых наш Союз — остров», — писал в то время Владимир Маяковский. А теперь с нами — страны народной демократии, вставшие на путь социализма, с нами — победоносный, революционный Китай, с нами Германская демократическая республика. Мы уже не остров. И у западных и восточных границ наших — друзья, с которыми мы вместе отстаиваем дело мира, дело правды и демократии на всей земле.

Четыре года прошло со времени предыдущих выборов в Верховный Совет СССР, — и как огромно, как значительно то, что сделано за эти четыре года! Советский народ добился нового могучего подъема во всех областях социалистической экономики и культуры. Рухнула надежда международной реакции на то, что Советский Союз не преодолит трудностей послевоенного строительства и долго еще не оправится от того урона, какой нанесли немцы-фашисты захватчикам нашей Родины. Любая капиталистическая страна после такого урона, в самом деле, на десятки лет отстала бы в своем развитии. Но с Советским Союзом этого не произошло. Не произошло потому, что великие животворные силы советского строя, потому, что неисчерпаемы возможности, которые таит в себе наше государство.

На высоком подъеме находится наша промышленность, наше сельское хозяйство. Промышленное производство намного уже

превысило уровень довоенных лет. В поразительно короткий срок введены в действие 5.200 крупных промышленных предприятий. Замечательные перемены произошли в колхозной деревне. Необычайно двинулась вперед электрификация сел. Поток машин, в частности, тракторов и автомобилей, посылаемых в колхозы, МТС и совхозы, в три-четыре раза превосходит то, что получала деревня в довоенное время. Все больше исчезает бывшая противоположность между городом и деревней. Колхозный труд становится равнозначным индустриальному труду.

Разве не замечательно, что только за четыре года: восстановлены и построены тысячи школ, библиотек, клубов, театров, дворцов культуры? Для кого все это построено и открыто? Для народа. Для кого восстановлено и построено в городах свыше 72 миллионов квадратных метров жилой площади, а в селах и деревнях сооружено 2 миллиона 300 тысяч жилых домов? Для народа! Для советских тружеников, для сотен тысяч советских семей!

Коммунистическая партия, советское государство неустанно заботится о благе народа, о его материальном благосостоянии. Недавно проведенное новое снижение цен, принесшее новое улучшение жизни миллионам трудящихся, еще раз доказало это. У советских тружеников нет более заботливого друга, чем партия, чем товарищ Сталин.

Голосует за кандидатов победоносного сталинского блока коммунистов и беспартийных, советские люди голосуют сегодня за великую партию Ленина — Сталина, за новый могущественный расцвет социалистической державы, за нерушимую дружбу народов нашей страны, за коммунизм, за мир во всем мире.

Среди тех, кого советские люди отметили своими кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР, — лучшие сыновья и дочери советского народа, беззаветно преданные Родине. Голосует за них, еще теплее сплотится вокруг коммунистической партии — вдохновителя и организатора всех наших побед!

Выборы начались. Все, как один, выполним свой гражданский, свой патриотический долг! Отдадим все голоса кандидатам сталинского блока коммунистов и беспартийных. С именем Сталина — к победе коммунизма!

Наш товарищ СТАЛИН

Во всех уголках нашей необъятной отчизны, переступая порог избирательных участков, люди вспоминают простое и великое имя товарища Сталина. Одни произносят его громко, вслух, другие произносят тихо, мысленно, в душе; третьи молча, долго смотрят на портрет — такой знакомый, что, кажется, всю жизнь ты прожил рядом, бок о бок с изображенным на этом портрете человеком.

А разве и в самом деле не так? Разве это лицо, одновременно и очень суровое и очень доброе, с густыми темными волосами, еще не успевшими тогда поседеть, не смотрело на нас со стены пионерской комнаты нашей школы в ту далекую, но незабываемую минуту, когда тебе на шею появлялся пионерский галстук и ты еще детским, неокрепшим, но зрелым от волнения голосом давал клятву, принимая этот галстук, галстук того же красного цвета, что и пробитые пулями знамена революции?

Разве это родное лицо не смотрело на тебя с поднимавшихся над демонстрацией транспарантов в день, когда ты еще безусым юношей вместе с тысячами других отдавал стране первую очередь Магнитострой, того самого Магнитостроя, который, став Магнитогорском, в грозные дни войны в 1942 году давал армии чуть не половину всего металла?

Разве это лицо, спокойное как всегда, в день, трудный как никогда, не поразило тебя величием своего мужественного выражения в ту минуту, когда ты увидел его сквозь сетку падающего снега 7 ноября 1941 года на Красной площади? Ты стоял там, одетый в солдатскую шинель, в рядах одного из полков, уходящих на фронт; а если ты и не был в этот день на Красной площади, не видел товарища Сталина, то разве в землянке под Ростовом или под Мурманском, когда ты, вздрогнув от счастья, услышал его спокойный голос, — разве ты не увидел в то же мгновение и это лицо именно таким, каким видели его солдаты, стоявшие на Красной площади?

Разве, наконец, когда сейчас, взглянув через плечо своего сына, ты видишь это лицо в букваре, разве оно не оживает для тебя сразу тысячами воспоминаний — счастливых, суровых, победных воспоминаний, связанных со всей твоей жизнью — от дней детства до лет возмужания, от Волховстроя до страны «Правды» с картой поземзатных лесных насаждений?

Ну хорошо, нас с тобой принимали в пионеры в разных отрядах, и ты строил Магнитострой, а я — Тракторный. И ты был 7 ноября 1941 года на Красной площади, а я — за Полярным кругом. И ты сейчас заглядываешь в букварь из-за плеча дочери, а я — из-за плеча сына; это отличает меня от тебя и тысячи людей — от других тысяч людей. Но воспоминание об этом лице, суровом и добром, оно объединяет нас. Воспоминание об этом голосе, спокойном как всегда, даже в минуту смертельной опасности, — оно объединяет нас. Его слова, которые одинаково вели нас с тобой сквозь жизнь, сквозь труды, через испытания и лишения, к торжествам и победам, — они объединяют нас. Его книги, которые учили, учат и будут учить нас тому, как нужно служить народу, как нужно идти вперед, к коммунизму, — они объединяют нас.

Если мы хотим найти слово, которое сильнее всего в мире объединяет нас, выражает наше неразделимое единство, — то это слово — Сталин, это имя — Сталин.

Это имя принадлежит нашей семье народов, которая с этим именем и стала семьей народов. С этим именем связаны все наши победы, наши воспоминания о величественном прошлом, наши надежды на еще более величественное будущее. Это имя — законная гордость народов нашей страны.

— Наш товарищ Сталин, — говорят люди, вспоминая пути-дороги, по которым их вел товарищ Сталин, вспоминая целину, которую они подняли по его указаниям, и заводы, которые они построили по его плану, вспоминая сражения, которые они выиграла благодаря его военному гению и своим ратным трудам.

— Наш товарищ Сталин, — невозможно себе представить большей гордости, чем гордость, с которой произносит эти слова целый народ великой страны. И невозможно себе представить более высокой, ни с чем не сравнимой оценки великой деятельности человека, чем оценка, которую ей дает целый народ, когда он говорит: Наш. Наш товарищ Сталин!

— Наш товарищ Сталин. Вожь, учитель, друг всех трудящихся людей мира. Человек, показывающий дорогу вперед человечеству. В самых дальних уголках огромного земного шара простые люди, даже никогда еще не видевшие так бесконечно знакомого нам портрета, твердо знают имя: Сталин! Знают это имя и связывают с ним свои надежды на будущее, свои надежды на счастье, свои надежды на свободу.

Ибо нельзя сейчас простому человеку, в любом уголке мира представить себе настоящее счастье, действительную свободу. Будущее с большой буквы, не связав всего этого с именем Сталина, с книгами Сталина, с деятельностью Сталина.

1 октября 1949 года над Пекином прогремели салюты в честь величайшего события — создания Народной республики Китая. Но нельзя представить себе этих салютов, не вспоминая выстрела «Авроры»; так же, как нельзя представить себе побед героической китайской революции без победы Великой Октябрьской революции, руководимой Лениным и Сталиным; так же, как нельзя себе представить успехов стран, идущих по пути социализма, без существования страны победившего социализма — страны, руководимой великой партией большевиков, руководимой Сталиным.

Советский гражданин переступает сегодня порог избирательного участка. Как гордо звучат на весь мир слова: советский гражданин. Гражданин той страны, гражданином которой — товарищ Сталин! Гражданин страны с великой демократической конституцией, творец которой — товарищ Сталин. Гражданин страны, в которой люди делают то, что они обещают, и больше, чем они обещают. Гражданин страны, где умеют держать слово, как никогда и нигде в мире. Гражданин страны, где слова: братская дружба народов — не слова, а принцип жизни. И где слово «мы» — не меткоброшенное, а краткое деловое выражение небывалого в истории единства и невиданного в истории могущества.

Голосует за сталинский блок коммунистов и беспартийных, советский гражданин голосует за товарища Сталина, у которого он учился, за которым он в боях и трудах шел всю свою жизнь, за товарища Сталина, родное лицо которого ему знакомо, как Родина.

Константин СИМОНОВ

С. МАРШАК 12 МАРТА

На выборах не голосуют дети. Но, первыми поднявшись в этот день, Меня ребята будят на рассвете, Чтоб раньше всех я подал бюллетень.

Но раньше всех у нас в Москве Мы не встанем. Я выхожу в тумане из ворот И слышу гул шагов. Куда ни глянешь, По переулкам движется народ.

И в этой мгле рассветной, предвсвещенной Я слышу голос всей родной страны.

И шелест миллионов бюллетеней Звучит, как шелест будущей весны.

Пусть март зовется месяцем проталин, — У нас в сердцах на всем ходу весна. Да здравствует надежда мира — Сталин! Да здравствует Советская страна!

За Родину, за мир на всей планете Мы опускаем в урну бюллетень. На выборах не голосуют дети, Но в бюллетенях — завтрашний их день.

Вера ПАНОВА

ПРАЗДНИК

На всех путях нашей жизни мы чувствуем направляющую руку величайшего из людей — Иосифа Виссарионовича Сталина. Все самое светлое соединено для нас с этим дорогим именем: наша Конституция — это Сталин, наша победа — это Сталин, грядущий коммунизм — это Сталин. Мы в бою, и он с нами — великий полководец. Мы на стройке, и он с нами — великий строитель.

И сегодня, в день выборов в Верховный Совет СССР, Иосиф Виссарионович Сталин — наш первый кандидат, кандидат всего многомиллионного и многоталантливого, избравшего невиданный путь и прошедшего к невиданным высотам советского народа.

Мы голосуем за любовь и славу всего народа — за Иосифа Виссарионовича Сталина всей нашей свободной гражданской волей, всем нашим благодарным сердцем.

Подходит весна, и у нас, в Ленинграде, где ночью мороз еще окоченяет землю и раздувает окна, но утрам ярко голубеет небо. Солнце восходит, торжествуя, и отступает мороз, и город заливается

святым и блеском, и разбухают почки на деревьях, и воровы под карнизками поднимают восторженный шум.

Особенно радостная, особенно счастливая эта весна! От радости и радости идет мир. Победа китайского народа. Великий и праздничный для нас всех, взволновавший все сердца день семидесятилетия Иосифа Виссарионовича Сталина. Сообщение Центрального Статистического Управления об итогах выполнения государственного плана восстановления и развития народного хозяйства СССР в 1949 году — свидетельство нового нашего взлета, наша статистика, вдохновляющая, как романтика! Снижение цен — новый подъем благосостояния народа. Укрепление советского золотого рубля. Приток новых талантов в науку, в технику, в культуру.

Как книга высокого учения, раскрыта перед трудящимися всех стран жизнь нашего народа с его дешифром и его судьбой. Как путеводный маяк, сияет над миром имя Сталина.

Счастливые и гордые идем мы на выборы — граждане великой советской державы.

Геворг ЭМИН

Путь

К КОММУНИЗМУ

Я так выхожу из своего дома, Как будто

вхожу в свой дом:

Все мне близко и все знакомо,

Все улыбается мне кругом.

С каждым шагом я песню слышу,

В новом здании надею крышу,

Клен молодой достал провода.

Клен хорошо — я хозяин жизни,

Труд мой — в цветении жизни всей,

Есть мое место в моей отчизне,

Где я ни буду, — я нужен ей!

Шагаю все радостней год от года,

Навстречу будущему яду.

Как хорошо мне: мечты народа

Вручили мне светлого счастья

Я — в будущем! Будущим тем счастливым

Все меряю в жизни, и жизнь свою.

Стал я жадным и нетерпеливым,

Сегодня — я завтрашний день мою.

Вот мое главное в жизни дело:

Поэт — разведчик будущих лет,

Голос и совесть идущих смело,

Грядущего собственного корреспондент.

Может, вы думали: дело поэта

Ахи и охи задревней и трезв?

Нет, мое дело — песней-кометой

Взмыть, озарив пути в коммунизм!

Перевел с армянского Михаил ЛУКОНИН

Расул ГАМЗАТОВ

Есть в Москве Сталин

Беспременно, мрачно в Дагестаме

Было в девятнадцатом году.

Чалмоносцы, турки, англичане

Принесли нам голод и беду.

Источенная земля сухая

Людьми не давала урожая,

Птицы перестали пить в ливне,

Но в аулах тайно шла беседа.

Что куется славно победа

Лениным и Сталиным в Москве.

Протекли стремительные годы,

Как высокогорная река.

Стали строить мы в горах заводы,

А под нами плали облака.

Трудно было пробивать дороги

Сквозь увальня, скалы и отроги.

Спать под хмурым небом на траве,

Но, борясь с природой дни и ночи,

Говорил рабочему рабочий:

— Нам помогут: Сталин есть в Москве.

Мы недавнее припомним время.

Наши села были сожжены.

Тяжкое легло на землю бремя

Самой разрушительной войны.

Вражеские танки под Москвою

И стервятники над головою

О своем ревели торжестве.

Но Москва, прекрасна и сурова,

Отстояла честь всего живого,

Потому что Сталин был в Москве.

Перевел с аварского С. ЛЯККИН

Голосу за счастье народа

Анатолий СУРОВ

Каждому советскому человеку хорошо знакома торжественная минута, когда, получив бюллетень, он входит в кабинку для голосования. Седые, почтеннейшие старики встают в день выборов атему, чтобы первыми поспеть к началу голосования. Юноши и девушки с раздумывающимися лицами входят в кабинку, где им впервые будут вручать избирательный бюллетень, — это день их гражданской зрелости, прекрасный, праздничный день.

Посмотрите, какой особенной горделивой походкой входят сюда, в эту кабинку, наши скромные советские люди, какое у каждого из них необычное выражение лица. Тут хозяева могущественнейшей и прекраснейшей страны, сознающие свою независимость, достоинство, силу своей власти. Торжественная тишина парит там, где происходит голосование. Избиратель проникается сознанием важности исторической миссии, пониманием важности того, что предстоит ему сделать. Он дает свою оценку деятельности большинства партии, советского правительства, он говорит свое «да» кандидатам сталинского блока коммунистов и беспартийных.

С особенной силой говорит в его сердце любовь к Родине, и он охватывает мысленным взором ее прошлое, настоящее, будущее.

Столетия шли, как свинцовые тучи, над ее необозримыми просторами. Столетия шли, — и могучий народ, напрягая богатейшие силы, боролся за свою землю, честь и счастье. Половинные полчища и татарские орды расклевывали, грабили и мучили Россию. Боевали друг с другом князья, и ворове сдвигались на поля кровавых сеч. Несравненными песнями древних сказителей, золотыми строками летописей, вихрем восточных слов «Слова о полку Игореве» рассказано об этих временах — о суровой судьбе великого народа. Столетия шли. В борьбе и трудах рождалось государство.

Линией чередой прошли годы бесчисленных испытаний нашего народа. Но и во времена чудовищного угнетения народ наш, предвидевший зарю свободы, свято берег свою землю, отражая одно за другим нападения иноземных правителей. Кто только не посылал на Россию? Кто не бежал с позором за ее пределы? На ее широких равнинах оставались тевтонские мечи, мангольские сабли, кайзеровские каски. Народ великой страны умел за себя постоять. Он верил: настанет счастливое время. Он слышал призывное слово Радзивила, Пушкина, Горького, Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Он искал путь к свободе и счастью.

Этот путь наши Ленин и Сталин. Они указали своему народу путь в будущее. В новогоднюю ночь на заре нового века Сталин сказал:

— Скоро встанет солнце. Это солнце будет сиять для нас.

Россия вошла в будущее первой. Братский союз свободных наций сплотила великая Русь.

Отечество славою, которое есть, но трижды — которое будет.

— гремел на весь мир Маяковский. Лучший советский поэт отчетливо видел то будущее, которое стало для нас настоящим. Он слышал наши дни. И отзвук его голоса сегодня мощно звучит в торжественных словах гимна: «Славься, Отечество наше свободное...»

Пелегю достался нам бесценный дар свободы в жестокой борьбе с врагами.

Ирландия провозгласила гражданские права свободного советского человека — наши выборы.

«Это действительно всенародный праздник наших рабочих, наших крестьян, нашей интеллигенции», — говорит товарищ Сталин. — Никогда в мире еще не было таких действительно свободных и действительно демократических выборов, никогда! История не знает другого такого примера».

Эти слова нашего отца и друга сказаны более двенадцати лет тому назад. Большой путь прошел советский народ с тех пор. Вдохновенным трудом в мирные годы, героической борьбой в годы Вели-

кой Отечественной войны мы доказали всему миру:

Нет ни где прочнее и лучше строя, чем наш советский общественный строй.

Нет ни где прочнее и лучше государства, чем наше советское государство.

Нет ни где народа более сплоченного, более единогодушного, чем наш советский народ.

Ни одна страна не пострадала от войны так, как Советский Союз. Ни одна страна не добилась после войны таких разительных, таких огромных успехов, как Советский Союз.

В «зонах пустыни», оставленных гитлеровцами, ветер колыбал сызды дымки, поднимавшиеся над печальными. Горела Белоруссия, Украина, Прибалтика, глядя на успешных жителей пустыни глазами выбитых окон, мраморными провалами руин. Молчали разрушенные заводы. На полях жваки обгоревшие танки. Сотни тысяч людей остались без крова. Много горя принесла нам война.

«Но, — говорит товарищ Сталин, — война была не только прокатом. Она была вместе с тем великой школой испытания и проверки всех сил народа».

Эта школа принесла свои плоды. Эта школа помогла советским людям, руководимым партией большевиков, показать в труде доблесть, равную воинской доблести, инициативу, равную боевой инициативе, сплоченность, равную фронтовой сплоченности.

В обращении к избирателям Центральный Комитет партии подвел итог нашей борьбы, наших усилий на пути к коммунизму. Советские рабочие и крестьяне намного превзошли свои предвоенные достижения. Страна, пережившая такую небывалую войну, производит ныне на много больше продукции, чем до войны!

Это возможно лишь в стране, где правит народ, где правительство действительно избрано самим народом и служит только народу! Сама жизнь доказала это.

Заводы и фабрики Соединенных Штатов не потянули от войны ни малейшего урожая. Но за один только прошлый год уровень производства там снизился почти на одну четверть. А ведь американские монополии поставили себе на службу почти всю экономическую капиталистического мира! Тем не менее кризис уже бродит по Штатам.

В дни предвыборных кампаний все буржуазные политики — от откровенных консерваторов до прикрывающихся фигурой левых «социалистов» — судят трудящихся всевозможными благами. Год с лишним прошел с тех пор, как в Америке проводились выборы президента. Трумп и его сподвижники не сумели на самые обаятельные посулы. Что только они не обещали! «Внебюджетная занятость», то есть ликвидацию безработицы. Повышение жизненного уровня. Разрешение всех жилищных трудностей. Помощь народному просвещению. Улучшение здравоохранения. И многое, многое другое.

Год прошел. Речи отрезвели и замолкли. Заговорили факты. И факты эти таковы.

Вместо «всобщей занятости» — миллионы и миллионы безработных и полубезработных. Такова цена обещаний там, в Америке.

Вместо «повышения жизненного уровня» — систематическое сближение масс. Из квартала в квартал прошлого года заработная плата и доходы населения Штатов неуклонно падали. Цены на товары в то же время росли. Хлеб и масло вздорожали вдвое. Так изменился весь прейскурант... А в результате три четверти семейств Америки не в состоянии свести концы с концами. Такова цена обещаний там, в Америке.

Вместо разрешения жилищных трудностей был издан закон, ликвидировавший всякий контроль над квартирной платой. Это привнесло горе миллионам простых людей. На следующий день после опубликования закона цены в квартирах удвоились.

Что же делает президент, обещавший «разрешение жилищной проблемы»? Он сокращает... сокращает ассигновки на жилищное строительство! Такова цена обещаний там, в Америке.

Вместо «помощи народному просвещению» — предусмотренные расходы на образование в размере менее 1 процента от общей суммы бюджета. В результате 6 миллионов американских детей, как признают официальные источники, не могут посещать школы. Вместо «улучшения здравоохранения» — беззащитный грабж больных. Вызов врача на дом — событие, совершенно устрашающее бюджет американской семьи. Такова цена обещаний там, в Америке.

Послушайте Трумэн заявил, что он отменит антирабочий полицейский закон Тафта-Хартли, ограничивающий права рабочих на забастовки. После избрания президент Трумэн не только не отменил этот закон, но, наоборот, предложил принять новые меры для «предотвращения забастовок» в жизненно важных отраслях промышленности... Такова цена обещаний там, в Америке.

Советские люди с трудом представляют себе зверские обычаи этого бесчеловечного строя. Советские люди — сами хозяева своей жизни, привыкшие иметь дело с правительством, безраздельно преданным народу, с правительством, осуществляющим волю народа, с правительством, ведущим нас вперед, к коммунизму, с правительством, верным своему слову. Советские люди знают: сталинское слово сбывается всегда!

Вот что говорил товарищ Сталин четыре года тому назад, выступая перед избирателями:

«...несколько слов насчет планов работы коммунистической партии на ближайшее будущее... Основные задачи нового пятилетнего плана состоят в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах. Мы говорим уже о том, что в ближайшее время будет отменена карточная система, особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся путем последовательного снижения цен на все товары и на широкое строительство всякого рода научно-исследовательских институтов, могущих дать возможность науке развернуть свои силы».

Памеченный срок завершения пятилетнего плана еще не наступил. Тем не менее все, намеченное товарищем Сталиным, намного перевыполнено.

Сколько радости было в наших городах и селах, когда диктор московского радио прочитал постановление Совета Министров и ЦК ВКП(б) о снижении цен. Наша громадная семья советских людей стала в этот день богаче на сотни миллиардов рублей.

Брупнейшие достижения советской науки, техники, новаторской производственной мысли, литературы, искусства отмечены присуждением Сталинских премий. Каждого советского патриота глубоко вознутил эти ежегодные награждения творцов нового во всех областях жизни.

Из всего, что добыто трудом и борьбой советских людей, одну драгоценность мы храним особенно бережно и любовно — добытый нами мир. Он достался нам ценой неисчислимых жертв. Мы никому не позволим нарушить его.

Когда советский человек идет к урнам для голосования и припоминает свою жизнь — день за днем, и жизнь страны — год за годом, когда он остается один, чтобы свободно выразить свою волю, только одно решение, твердое, ясное, вихновенное приходит к нему — отдать свой голос кандидату сталинского блока. Я голосую за сталинский блок — значит, я голосую за мир во всем мире, за свободу, могущество, богатство моей страны, за мой радостный завтрашний день. Я голосую за Сталина — значит, я голосую за счастье народа.

В списке у него — рижский радиоприемник, аккордеон, какое-то знаменитое охотничье ружье, за которым больше года рыщут по комиссионным магазинам, библиотеке для молодежного общепития и отдельно — «Колхозная энциклопедия», которую знакомая девушка из колхозопрокатного хочет послать отцу в деревню... Денег на все сразу наверняка нехватит, особенно если найдутся порозничные планы с пристрастными кашпошками — вроде тех, что добыли оркестранты из Дома культуры.

Мне нравится токарь шестого разряда — человек с занятым, пылким открытым лицом, сплошь усыпанным не веснушками, а чистыми родинками, со взлетевшим носиком, с безогорочными суждениями и крайне самостоятельным. Едет в столицу, но о чем не спрашивает, будто всю жизнь там прожил.

Полковник о нем иного мнения — тут он пахучо сдвигает на глаза и снова рассказывает о сыне. Он вообще против потребительских излишеств. Он считает, что модельер растет будто бы в счастье и заблуждении, что все в мире уже готово.

Мы, к примеру, Днепротрас соорудили. Боевая борьба. И был — фронтовой. Я же еще на базаре пришла, в фанерном закутке. А как у моего Володи появился пупок, тут уж под боком открылась и презоветная парикмахерская. С зеркалами. С электрической сушилкой. С белыми простынями. Пожалуйте! Все для вас готово, даже это! Помню, так и сказал ему: «Беги, брейся! Потому и голыня открылась, что, видите ли, Вольке Журавушкину бриться пора!».

Полковник хохочет. Шкофер поднимает голову. И только Степан Петрович со своими тяжелыми сомкнутыми губами под бровью начесом усев, нахвалившись, молчит, словно дремлет. А я знаю — слышит и имеет суждение...

Слышно, вдали кто-то поет, чей-то мужской ясный голос:

ЭТО НАШЕ

Мне кажется, что я где-то видел раньше этого человека. Удивительно знакомое лицо! Только в глазах совершенно другой блеск. Блеск молодости. Но где же я все-таки встречал его? Не в Рижском ли порту, когда тысячи квалифицированных рабочих толпились и причала в надежде заработать на хлеб? Может быть, мы вместе с ним были в рыбачьей артели или это мой друг моряк с парохода «Кангарс»?

Странно, — это тот же человек, только сейчас у него светлое лицо, спокойные движения, уверенная походка.

Да, это мой старый знакомый, но это все же не тот, кого я знал раньше. Нет в нем приниженности человека, не уверенности в завтрашнем дне, страха и беспомощности. У него гордая осанка, и глубокая внутренняя сила озаряет его облик.

Это старый токарь одного из знаменитых рижских заводов. На этом заводе есть рабочие, продукция которых подлежит проверке отделом технического контроля. Они отличники качества. У каждого свой штамп, которым рабочий-отличник отмечает изготовленную деталь. Еще не было случая, чтобы он выпустил брак. Вот они, новые черты в характере латышского рабочего! Ставя свой штамп на деталь, он гордо говорит:

— Это наше!

Я думаю о том, какой глубокий смысл заключен в этих двух символических словах, в этой короткой фразе, выражающей сущность социалистического строя.

Я хорошо помню, как в моем родном поселке Рингули рыбаки соорили из-за улова рыбы: «Это мое!» Я хорошо знаю, как в буржуазной Латвии крестьяне таили обиду на соседях за клочок земли, твердя: «Это мое!».

Казалось, надо будет прожить десятки лет и подрасти новому поколению, чтобы это «мое» сменилось словом «наше».

Во всех выступлениях избирателей на предвыборных собраниях звучало это слово, звучало привычно, буднично, но люди моего поколения знают, какие изменения должны были произойти на земле, чтобы латышский крестьянин или рабочий сказал просто, привычно: «Это наше!». И латыш говорит теперь «это наше!». Это наши заводы и земля, наши фабрики и школы, наша пенсия и наши сады. Он прислушивается к могучему дышащему индустриального Донбасса и улыбается, произнося: «Наше!». Он смотрит на величавое течение великой русской реки Волги: «Наше!». Он выхаживает горный воздух прекрасной Грузии: «Наше!».

Я думаю о том, сколько людей произнесет сегодня, в день выборов, это слово. Я хорошо понимаю их чувство.

Он встает сегодня понашему, старый рижский рабочий, и пойдет всей семьей на избирательный участок. И тогда, оставшись наедине со своей честной рабочей совестью в кабинке избирателя, он подумает о нашей Латвии, молодой и цветущей, о нашей великой социалистической Родине, о ее неметных богатствах, он подумает о нашем друге и вожде товарище Сталине, и проголосует за наше счастье, счастье советского гражданина.

Максим ТАНК

На выборы!

День выборов! Хороший день! Люблю тебя я встретить рано, Когда зоря через пелены Глядит из легкого тумана.

Вот слышен четкий звон подков, На броне бубенцы играют, Уже колхозных рысаков Пешенно кони запрягают.

Над первой тройкой — стая, плавают: «Да здравствует товарищ Сталин — Народа первый депутат!» Вот гармонисты зыграли.

И тут под стройный, дружный хор Гвалют кони и помчали В просторы ледяных озер, В полях заснеженных дали.

Встает народ во всей стране, Несутся песни. Тройки мчатся Навстречу солнцу и весне, В просторы юности и счастья.

Перевел с белорусского Д. САМОЙЛОВ

Ирина СНЕГОВА

Посвящается кандидату в депутаты Я помню, как с детства, любовно и строго Она нас готовила к трудным дорогам, Учила, растила, забыв про усталость, Успешна за веком горячим и быстрым, И только порою сама удивлялась, Что вдруг ученик становился министром... А школьники, сталинским солнцем согреты, Мужали, росли, разрезались по свету.

Екатерине Васильевне МАРТЬЯНОВОЙ

Цветут наши дни — широки, как стелется, — И вот уже скоро пойдут наши дети По солнечным классам, как прежде мы сами, И встает им она улыбнется глазами, Глазами, что поздно при лампе вечерней Читают тетради в линейку косяку... Всем сердцем, всей верной любовью дочерней, Товарищи, я за нее — голосую!

А. ЧЕИШВИЛИ

На Саморской равнине

Кто, какой человек без ролу и племени выдумал, что в грузинскую поэзию жанр «похвалы плодам» пропал будто бы из Ирана! Какая пылеяпа и злонамеренная чушь!

Вспоминаю житницу Грузии — Бахетию, благодатную Алазанскую долину. Шаво, и скачомуна бибескому раю не уступает она своим изобилием в пору щедрой осени! Здесь перекосное дерево с гущейся от тяжести плодов ветвью клонится к смоковнице; смоковница ата как бы подирает ореховое дерево, а исподличий столетний орех вольно раскинул богатейшие сучья-ручища на крыше дома. Здесь, под деревянными кровнями, в давильнях из вековых липовых стволов, ходят давилки, и сладкое сусло струится во врытые в землю стонующие глиняные кувшины. И в села со скрыпом все выезжают и выезжают груженные виноградом арбы, а их перегоняют грузовики, доверху переполненные золотистыми початками кукурузы.

Сколько прекрасных песен сложили грузинские и русские поэты о Грузии, и больше всего — об Алазанской долине, о ее благоуханной земле, где, по меткому слову здепших крестьян, и «сма, брошенное косо, всходит прямо!». Изобилие и красота этих мест чаруют вас, пока вы едете берегом Алазана.

А вот дорога переваливает через Гомбори, и лишь на короткое время есе ласкает глаз зеленая прибрежная полоса реки Иори, есе сады и виноградники. Манины вырабатывают на Самгорскую равнину, и вдруг резко меняется пейзаж на этих близких подступах к Тбилиси. Куда иезчезли радующие взор краски? Как потускнел цвет Кахетии! Говори словами поэта Николая Тихонова, вы очутились

На безжизненной равнине, Каменистой, темнотраной, Где рассыпаны осколки Безымянные веков...

Тут, перед самым Тбилиси, — большая пропелитная пустыня, нечто подобное Голодной степи. Тщетно бьются веками земледельца над этой безжизненной от безводья землей, напрасно орошал ее потом. Тут кукуруза увядла на корню, не успея завязать початки. Подсолнух едва вынул сапку величиной в детский кулачок. Тут к концу лета, виноградные лозы стояли голые, без листьев, опаленные суховеями.

Когда медлительный кахетинский поезд проезжал это унылое пространство, пассажиры с досадой отходили от окон. Всякий, кому приходилось пересечь равнину на машине или на арбе, думал лишь о том, чтобы оставить ее за собой. Чабан медленно шел по этой равнине отару на летнее горное пастбище, и борзатый козель-вожак, что, как яреу, распухал линялой жесткою шерстью, упирался ему в спину рогами, словно опасаясь — есе оставил бы пастьху. Какая тут могла быть стоюпка? Негде проваливался под тенью дерева, негде напиться воды — нигде ни дерева, ни кустника! Какой-то мертвящей частью тела выглядела эта подступавшая аждаха Курой и Иори, рядом с цветущей Алазанской долиной.

Но сейчас Самгори притягивает к себе мысли и чувства всего грузинского народа. Советские люди не терпят безжизненности, прозябания в бесплодной земле. Большевики Грузии решили напалить Самгорскую равнину водами Иори, превратить ее в цветущий сад. Незунаваемо оживла равнина: куда ни глянешь — про-

вой укоризной говорит водитель, я, захопнув зверку, на минуту включает радио — среди тресков и шорохов веселая музыка, вальсы, как всегда после праздничных сообщений.

От грузовика кто-то бежит. Это Петь Словов.

— Садись, Петь. Вот так новость! — полковник тешится, давая место токарю.

— Как же теперь, Степан Петрович? — растеряно спрашивает Словов.

Никак не ожидал я увидеть его в таком изломанном.

— Видно, правительство потчуло, что едешь за покупками, — серьезным голосом отвечает старый мастер. — В мяг тебе денег перебавили...

— Так теперь же опять нехватит! — горестно восклицает Словов и в нетерпении всей грудью нажимает на спину переднего сиденья.

— Вот-те-на! — затрясывает полковник.

— Раз все дешевле стало, — можно и палатку купить, и сининги для ребят... Нет, на все нехватит!

Тут уже все смеется довольно открыто, — не один полковник. Тот сдвигает папаху на глаза.

— Да, токарь, денег у тебя куры не клюют, а ростом — маловат... Ты бы летом под дождем постоял, что ли...

Словов молчит. Во тьме летает огонек шиферной папироски.

— Либо велесинел приобрести! Зидешь, руки — за спину, и катай! Ноги дуеко удлинит, — полковник смеется.

— Между прочим, на крепкое вино, братцы мои, сорок девять процентов скидка!

Он исчезает в тумане так же, как и возник. Через минуту грузовая машина закикает фары. Нам смутно слышны голоса. Видно, что и там задержался прожорный и рассказывает все в подробности. Нужно, нужно человеку излить душевную потребность.

— Между прочим! А прощай, между прочим, точно запомнил, — с насмешли-

Учительница

Екатерине Васильевне МАРТЬЯНОВОЙ

Цветут наши дни — широки, как стелется, — И вот уже скоро пойдут наши дети По солнечным классам, как прежде мы сами, И встает им она улыбнется глазами, Глазами, что поздно при лампе вечерней Читают тетради в линейку косяку... Всем сердцем, всей верной любовью дочерней, Товарищи, я за нее — голосую!

А. ЧЕИШВИЛИ

На Саморской равнине

Кто, какой человек без ролу и племени выдумал, что в грузинскую поэзию жанр «похвалы плодам» пропал будто бы из Ирана! Какая пылеяпа и злонамеренная чушь!

Вспоминаю житницу Грузии — Бахетию, благодатную Алазанскую долину. Шаво, и скачомуна бибескому раю не уступает она своим изобилием в пору щедрой осени! Здесь перекосное дерево с гущейся от тяжести плодов ветвью клонится к смоковнице; смоковница ата как бы подирает ореховое дерево, а исподличий столетний орех вольно раскинул богатейшие сучья-ручища на крыше дома. Здесь, под деревянными кровнями, в давильнях из вековых липовых стволов, ходят давилки, и сладкое сусло струится во врытые в землю стонующие глиняные кувшины. И в села со скрыпом все выезжают и выезжают груженные виноградом арбы, а их перегоняют грузовики, доверху переполненные золотистыми початками кукурузы.

Сколько прекрасных песен сложили грузинские и русские поэты о Грузии, и больше всего — об Алазанской долине, о ее благоуханной земле, где, по меткому слову здепших крестьян, и «сма, брошенное косо, всходит прямо!». Изобилие и красота этих мест чаруют вас, пока вы едете берегом Алазана.

А вот дорога переваливает через Гомбори, и лишь на короткое время есе ласкает глаз зеленая прибрежная полоса реки Иори, есе сады и виноградники. Манины вырабатывают на Самгорскую равнину, и вдруг резко меняется пейзаж на этих близких подступах к Тбилиси. Куда иезчезли радующие взор краски? Как потускнел цвет Кахетии! Говори словами поэта Николая Тихонова, вы очутились

На безжизненной равнине, Каменистой, темнотраной, Где рассыпаны осколки Безымянные веков...

Тут, перед самым Тбилиси, — большая пропелитная пустыня, нечто подобное Голодной степи. Тщетно бьются веками земледельца над этой безжизненной от безводья землей, напрасно орошал ее потом. Тут кукуруза увядла на корню, не успея завязать початки. Подсолнух едва вынул сапку величиной в детский кулачок. Тут к концу лета, виноградные лозы стояли голые, без листьев, опаленные суховеями.

Когда медлительный кахетинский поезд проезжал это унылое пространство, пассажиры с досадой отходили от окон. Всякий, кому приходилось пересечь равнину на машине или на арбе, думал лишь о том, чтобы оставить ее за собой. Чабан медленно шел по этой равнине отару на летнее горное пастбище, и борзатый козель-вожак, что, как яреу, распухал линялой жесткою шерстью, упирался ему в спину рогами, словно опасаясь — есе оставил бы пастьху. Какая тут могла быть стоюпка? Негде проваливался под тенью дерева, негде напиться воды — нигде ни дерева, ни кустника! Какой-то мертвящей частью тела выглядела эта подступавшая аждаха Курой и Иори, рядом с цветущей Алазанской долиной.

Но сейчас Самгори притягивает к себе мысли и чувства всего грузинского народа. Советские люди не терпят безжизненности, прозябания в бесплодной земле. Большевики Грузии решили напалить Самгорскую равнину водами Иори, превратить ее в цветущий сад. Незунаваемо оживла равнина: куда ни глянешь — про-

потребности. Думевные! С этим у тебя тумано. Прости, Словов, тумано.

— В тумане стоим, товарищ полковник, — насмешливо соглашается токарь.

— Вот мы говорим, — не унимается полковник, — закон нового общественного строя: «От каждого — по способности, каждому — по потребности».

— Ничего пока «по труду», товарищ полковник...

— Это я знаю, экий ты право... Я тебя про завтрашний день спрашиваю. «По по-треб-но-сти» — это же большое дело, Петь. Вот наступит времена коммунизма. Доживешь, токарь? Доживешь! Придут прямо на квартиру и спросят: «Ваши душевные потребности, товарищ Словов?»

Словов молчит.

— А ты скажешь — швертбот и брезентовая палатка?

Словов молчит. Полковник смеется. Степан Петрович тихо и ласково подбирает затихшего токаря:

— Что, Петь, карданная передача заела? Ты посмелый отпрыска.

Я рассматриваю в полумраке Петь, не боясь, что он заметит, обидится.

Вот он сидит, взлорепенный шутками полковника, милый, воинственный, чубатый. Чуб такой, что просто лишает доверия... Все у него, у токаря, в первый раз в жизни: никогда не ездил в Москву, никогда не было столько денег, никогда не было заботы, как ими распорядиться, никогда не было такого чувства счастья, никогда не поддразнивали его так.

Вдруг вспоминаю, как он страшно смутился в «домике Каширина». Мы забрели куда втроем со Степаном Петровичем в оживленный грузинский.

«Домик Каширина» — сказочная серпентина старинного города. Все, как во всебывает лет назад; и пахучий вихлостой воздух, и скрипящие половицы, и дребезжащие «горки», залитыйный неагерь,

— «Позовит себе» большого уха не надобно, — доимает полковник. — Это ты выражаешься не научно... А вот ты лучше расскажи мне про свои душевные

ОКОНЧАНИЕ СМ. НА 3 СТР.

Николай ТАРАОВ

НАШ СПУТНИК

Рассказ

1.

Мартовским вечером падает на шоссе туман — танет в низинах, ползет в перелески. Две машины, легковая и грузовая, плущие в Москву дальним рейсом с приволжского завода, пытаются паощущь выйти из полосы тумана. Вдруг оказывается, что свет фар уже не помощник: все бело перед моторными стеклами, клубится и словно закипает.

Наконец наша «Победа» безнадежно прижимается к краю шоссе, за него останавливается грузовик. Минуту-другую он еше светит в облаке, потом водитель, видно, вспоминает об аккумуляторе и выключает фары. И тогда — тьма. Кончилишпешнее шип по асфальту, и нас окружает ночная предвесенняя тишь; кажется, слышно, как туман падает снега на невидимых полях.

Где мы?.. Долго ли так стоять?

В темноте тепло и уютно. Кроме шопера, который уже дремлет, обива баранку, в машине со мною, как и я, возвращающийся с завода, грузин, разговорчивый инженер-полковник в бекеме с меховым воротником и в высокой папаче, и старый мастер тендерно-механического цеха, сепоусый и седоватый Степан Петрович Кутягин, отец семерых сыновей. Старик с походятельным характером, молчалив. Долгая жизнь на заводе выработывает природу человека. Не сразу становившийся мастером, здесь это и не должность как будто, а и нрав и характер. За собой тянется следом сыновья. Вот уже старший — директор

номерного завода. Отец едет в «Победе», которую гонят в Москву на завод к сыну.

Спать не хочется. К тому же полковник неумоимо забывает диковинными рассказами — то про дунайские военные переправы, а то вдруг про огромную змею, которая однажды заползла на Варобскую гидростанцию и замкнула ток, и никто не мог догадаться о причинах аварии. Сын полковника плавает на крейсере, и про моряка тоже бесконечные и подробные отцовские рассказы.

ЗА МИР, ЗА СЧАСТЬЕ НАРОДОВ! ГОЛОСА СОЛДАТ МИРА

МИРОЛЮБИЕ СИЛЬНЫХ

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

Злая ирония: пароход, несущий имя Луи Пастера, великого борца со смертью, доставляет из Индо-Китая во Францию гробы с телами убитых солдат. Эти французские солдаты, чьи останки привезены на родину для погребения, убиты своими соотечественниками — французскими империалистами, которые ради прибылей не жалеют крови народа, слез матерей и вдов.

Убийцы — соотечественники французских солдат тоже по названию. Народ и империалисты стоят по разные стороны баррикад. Народ Франции, как и все народы, хочет мира. Империалисты Франции, как и все империалисты, хотят войны.

Но простые люди земли все активнее выступают за мир и демократию. И не забуду встречи с французским горняком в Париже перед закрытием Всемирного конгресса сторонников мира.

— Когда вернетесь в Москву, — сказал горняк, крепко пожимая мне руку, — передайте там, что все эти люди, — он широким жестом показал на демонстрантов, заполнивших парижские улицы, — все честная, трудовая Франция никогда не будет воевать с героями Сталинграда!

Все более ясно и твердо народы записывают о своей воле к миру. Это движение ширится, оно не знает географических границ. В борьбе пробуждается Восток: колониальные народы сбрасывают свои империалистов. В битве за мир уже победили народ Китая, народы Вьетнама, Индонезии и других стран ведут справедливую, освободительную борьбу.

Мне вспоминается седьмая книга журнала «Новый мир» за прошлый год, в которой опубликованы стихи 27 прогрессивных зарубежных поэтов, представляющих 24 страны, — стихи, выражающие волю народов к борьбе за мир. Сколько из этих поэтов заточено или было заточено в тюрьмы, сколько творят в подполье, сколько вынуждено скрывать свои имена под псевдонимами! Но они не прекращают борьбы. Их стихи, несущие гневное слово правды, нельзя заточить в темницу, как нельзя задушить те народы, чьи верными сынами являются эти поэты.

Вместе со всеми народами земного шара и во главе их борется за мир и демократию советский народ. От его великого имени говорит и наша советская литература, говорит страстно и вдохновенно.

Нигде так широко и действительно не разрабатывается сейчас тема борьбы за мир, как в многонациональной нашей поэзии. В этом отношении минавший 1949 год был особенно плодотворным. Борьба за мир посвятили свои новые произведения многие поэты советской страны. Среди них и русские — Лев Ошанин, Александр Безыменский, и украинец Микола Валян, и таджик Мирсад Миршакар, и азербайджанец Самел Вургун, и белорусы Аркадий Кулепов, и многие другие. Их творчество вдохновлено глубокой преданностью советской Родине, волей к миру, прогрессу и демократии. Они славят могучий, светлый мир социализма и клемят и разоблачают тех, кто защищает старый, прогнивший мир эксплуатации и рабства, поджигателей новой войны — англо-американских империалистов.

В стихотворении таджикского поэта М. Миршакара «Американский турист» рассказывается, как некий «Джонсон-турист», «докладчик», а попросту шпион, под личиной «ученого» является к границам нашего Таджикистана «с заданием спецназначения». Рассматривая с зарубежных гор в бинокль просторы прелестной советской республики, он в злобе и ужасе восклицает:

О, где они, скажите мне, Традиция Востока?!
Поперла их в своей стране
Вольшевики жестоко!
Открыли школы в кишлаках —
Глаза рабов открыли!
Каналы вырыли в песках,
Зинданы* все зарыли!

Зарубежные хищники хотели бы восстановить у нас бывшие «традиции Востока».

* Зинданы — тюрьмы.

Фронт мира и демократии ширится и растет, противостоит любому миру эксплуатации и гнета. Наступила эра неотвратимой гибели противного капитализма. Простым людям земли становится все яснее, что если империалисты развяжут новую войну, она лишь ускорит их гибель. Поручку этому — наш могучий Советский Союз и его непобедимая армия, окруженные поддержкой миллионов друзей за рубежом. Хорошо сказал об этом В. Долматовский:

С нами рядом работа встанет Америка. Ни молитва, ни бомба врагов не спасут. Как тогда в Нюрнберге — Рибентропа и Геринга,
Приездут поджигателей новых на суд!

Не раз, бывая за рубежом, я испытывал чувство гордости за нашу советскую литературу. Стихи поэтов наших братских республик становятся важным политическим фактором не только для самой нашей страны, но и для стран народной демократии, примкнувших к лагерю мира, для народов стран колониального Востока, борющихся за свою независимость, для передовых людей империалистических стран.

В ноябре прошлого года я был на конференции прогрессивных писателей Парижа. Особенной любовью пользуется там Маяковский — пролагатель новых путей политической поэзии, поэзии интернационального братства народов, отстаивающих дело мира.

В Лакоре, столице провинции Пенджаб, я познакомился с одним крестьянским поэтом, который подписывает свои стихи псевдонимом «Вомба». Он рассказал мне, что избрал этот псевдоним после того, как прочитал стихотворение Маяковского с известными строками: «И песни, и стих — это бомба и знамя». Он спел на языке урду песню, выражающую мысли его народа. Вот что было в этой песне:

Капиталисты Пакистана шлют телеграммы Трүмену:
«Опасность коммунизма стучит в ворота Пакистана Помогите!»
Шлет Трүмен телеграмму капиталистам в Пакистан:
«Разбили нас в Китае. Боймся, что разобьют и в Пакистане».

Великий пример Советского Союза вдохновляет народы земного шара. Победа китайского народа в борьбе за мир и демократию еще более окрыляла чаяния передового человечества. Как-то в Москве я беседовал с известным китайским писателем и ученым Го Мо-жо об организации Общества советско-китайской дружбы в новом Китае. Го Мо-жо с улыбкой заметил, что перед этим обществом стоит одна огромная трудность — оформить членство более четырех сот миллионов китайцев, которые желают вступить в общество. Так относятся народы земного шара к советской стране — централи миру, опоре и надежде всех свободолюбивых людей.

Дети разных народов,
Мы мечтаю о мире живем.
В эти грозные годы
Мы за счастье бороться идем.

Этот гимн, сложенный советским поэтом Львом Опаншиным, поет вся передовая молодежь земли, объединенная во Всемирную федерацию демократической молодежи. Строки гимна, как и вся советская поэзия, пронизаны подлинным интернационализмом и стремлением к миру, к лучшему будущему. Они всюду приписаны по душе честным людям земли: и в Москве, и в Париже, и в Лондоне, и в Пекине, и в Нью-Йорке, и в Праге — везде звучат эти слова:

Снова черные силы
Роют миру могилу,
Каждый, кто честен,
Встань с нами вместе
Против огня войны!

Это мужественный голос советской поэзии. Сделаем же все доступное нам, чтобы он звучал еще громче и величественней!

Ох, как надо поспевать за тобой, Пети Слонов! Сколько тебе надобно инструментов, книг, готовлен. И какие еще желания появятся у тебя завтра в Москве. И еще — когда вернешься! И еще — после летнего отпуска на швертботе! Старые времена жизни говорили: «Ни одно колесо на фабрике не повернется, если я не сниму барышей с каждого оборота». А ведь Пети Слонов — хозяин помогущественней! Вся индустрия великой страны «двигается» на сверхскоростях своими станками и моторами, чтобы лучше было жить Пете Слонову.

В мире, где больше ничто не возбуждает преступных потребностей: купил — продал, насытил, господства, — по тысячкам тропок сходятся к человеку его нравственные, добрые, человеческие желания.

Как легко слышатся мне сейчас голоса этих желаний — и самых первоначальных и самых глубоких и возвышенных, о которых не мечтали человек-одиночка. Пришлите нам книжку для рожденья! — про то, как воспитывать нашу Ганючку. Электрифицируйте поселок. Старый колхозный лед, ты поедешь в Ливадью. Бата, ты будешь рожать под присмотром врачей. Ждем фильма о Пушкине. Вооружите курсы механиков МТС самоходным комбайном. Книжку — почтой! Нам нужен Дом культуры. Мы критикуем этот учебник. Высылайте встречать первую партию автобусов. Мы хотим знать, как сажать эвкалипты. Научите наших парней и девочек распознавать сердце настоящую любовь. Почему вы, писатели, не пишете книг, похожих на книгу Фомы Кампанеллы, — есть же потребность заглянуть в будущее...

А я недавно Мопассана читал, — внятно проносил, не поворачивая головы, Степан Петрович, обращаясь не то к шиферу, не то к нам, сияющим поэтам. — Там у него крестьянка из Эльзаса, переселенка, так у нее одно земное счастье: кочан капусты. Не родит Аляжар капусту!

Один из признаков нации, национальный характер, то есть, духовный облик ее, правдиво и ярко отражен в древних сказаниях народа о его героях и богатырях.

Один из любимых богатырей русского народного эпоса, Илья Муромец — это прежде всего защитник угнетенных, поборник правды и миролюбия.

Другой великий богатырь в былинах народных — пахарь Миккула Селянинович. Князь-богатырь, да еще и колдун, Волга Святославович оказывается по-настоящему пахарем, и вместе с дружиной своей. Им не под силу даже и повернуть сошку крестьянина-богатыря, а тот, пошевеливши вьюгом над князем, над дружиной его, легко берет сошку одной рукой и выдает «за ракитов куст»!

Так возмечены труд и мир в сказаниях нашего народа!

На другой же день после свержения власти помещиков и капиталистов, как только революционный рабочий класс взял управление государством в свои руки, — буквально первым всемирно-историческим делом советской республики явился большевистский декрет о мире.

Борьба за мир, неотъемлемая, естественная особенность самой природы советского социалистического строя! Ведь у нас нет паразитических классов, которые в войне находят или мыслят найти пропитание для нарастающих революций. И нет у нас монополистического капитала и финансово-олигархии, которые горами туманов, озерами крови народной привычки добывать себе новые рынки и колонии.

Мы привыкли пахать целину мировой истории, держа одну руку на рукоятки плуга, а другой придерживая меч! Но мы хотели бы для блага всего человечества пахать, класть обе руки на плуг. А нам не дают! И порою хочется крикнуть в омерзительную кровавую муть империалистов: «Прочь с нашего пути, кровавые шуты, вудалаки человечества! Мы своей кровью, отданной за спасение Земли от ига фашизма, мы с великим трудом завоевали счастье строить коммунизм».

Преимуществом стоит во главе всего трудового человечества в его борьбе за мир, против войны, двое величайших людей Земли: Ленин и Сталин. «Нашу мировую политику обобьет громаднейшее большинство населения земли», — говорил Ленин.

Многократно с вершинами наших побед и трудовых достижений Сталин — великий глашатай и неограниченная защита мира — обрассал свое мудрое, болелье всем человечеством проникнутое слово ко всем правительствам и народам, призывая всех к прочному и демократическому миру.

Устами Сталина советский народ-победитель многократно заявлял, что «правительство СССР считает, что несмотря на различные экономические системы и идеологии, осуществление этих систем и мирное урегулирование разногласий между СССР и США не только возможно, но и безусловно необходимы в интересах всеобщего мира». Известно, что США не желали принять советское предложение заключить Пакт Мира. Известно, что президент Трумен не обнаружил готовности разрешить спорные вопросы.

Враги мира страшатся возможной стремления народов сделать невозможной новую войну. В самые последние дни государственного департамента США и правительства Голландии подвергли новому оскорблению миролюбие трудящегося человечества грубой и позорной политической мерой недопущения в страну представителей Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира.

Послания мира-виднейшие представители искусства и науки — имели одну только миссию: вручить главам парламентов ряда стран призыв к запрещению атомного оружия и к одновременному сокращению вооружений. И ничего больше! Но вот,

Господа поджигатели войны — все эти хитрые смиты, брадлы, джонсоны и прочие — напавляют на себя кровавые обноски расовой «теории» Геббельса и Розенберга и провозглашают «верховной расой», «сверхрасой» так называемых англо-саксов и «стопроцентных американцев». Господа американские расисты пытаются оправдать кровавый позорный путь американской воюющей, отмеченный горами трупов и в Греции, и в Китае, и в Индонезии, и в Бирме, и в Малайе.

— Мы англо-саксы! — как будто провозглашают они. — Нам все можно!

Постояте, постояте, господа, нам вспомнится нечто подобное из минувших времен — время, когда США захватили, то есть, прости, «составили» Кубу и Филиппины. И опять-таки, то, о чем нам вспомнилось, связано с великим американ-

ским писателем и патриотом Марком Твенном. В дни, когда американские плантаторы, буржуа и капиталисты ликовали от захвата новых колоний, он «остаясь при особом мнении» и встретил скорбным негодованием тот позор, каким покрыла тогдашняя военщина звездный флаг Америки. Бесстрашно — и перед своим народом и перед всем человечеством — разоблачил тогда великий американский сатирик омерзительную колониальную «деятельность» американских генералов Фунстона и Смита — реацию мирных жителей, добывание раненых, пытки войско, словом, весь тот «организованный садизм», которым и ныне опозорили честь своего отечества американские ван флиты в Греции.

Их много, таких «завоевателей» и теперь. Американский генерал Орваль Андерсон, один из самых усердных «хлопотунов» войны, недавно заявил, что «атомная бомбардировка не противоречит самым высоким принципам демократии и гуманности». Английский лорд Тренчард сказал, что, как он надеется, можно будет уничтожить атомной бомбой от 15 до 20 миллионов человек в месяц.

Эх, ведь, раздалось, расстался англо-саксовский вурдалак!

Кровавые шуты! Как страшен для них мир!

Нет, им непонятно миролюбие сильных и их! Невня американец Бернхэм в книге «За мировое господство» пишет: «Следует признать, что мир не может быть целью внешней политики».

— Вот как?! — удивится бесхитрый человек. — А что же тогда является целью политики?

Ответ на это дает нам заглавие этой гнусной книжонки, какими завален сейчас книжный рынок Америки: «Мировое господство! Этот политический оракул поучает: «Необходимо отказаться от последних остатков умершего (?) учения о равенстве наций, и США должны открыто выдвинуть свою кандидатуру (слушайте, слушайте!) — А.Ю. на мировое господство», «необходимо расстаться с принципом невмешательства во внутренние дела других стран».

Общезвестно, что с целью подорвать изнутри экономические, промышленные основы бытия европейских государств, в самую сердцевину их национального хозяйства введён «тройничий конь» пресловутого «плана Маршалла». Способность европейских западных стран к сопротивлению растекается американской проведью космополитизма, отказа от своей народности и государственной самостоятельности. Американские борозницы, продажные перья на все лады возмущают, что Соединенные Штаты Америки — это «мессия XX века», что США должны «составить весь остальной мир американским образом жизни». Каким же это? — позвольте спросить: не тем ли образом жизни, благодаря которому великий американец Марк Твен, издеваясь сквозь слезы и горестно негодуя, назвал свою родину: «Соединенные Линчующие Штаты»!

Нет, вряд ли позарится трудящиеся Европы на тот «образ жизни», при котором миллионы безработных обитают в трущобах, сотни тысяч «стоют» из мурных ашпков, когда взрослые, почтенные буржуа, отцы семейств, объединенные тайным обществом Ру-клуб-клуб, во имя кровавого хулиганства и политической расправы с прогрессивными деятелями, подвешивают ночью в машинах к какому-нибудь бедному жилищу, нарядженые в шелковые, с порезами для глаз и для рта, балахоны, вываливают неудобного им человека и, набросившись на него всем табунном, удавливают веревкой — «длинчуют»!

Господа поджигатели войны — все эти хитрые смиты, брадлы, джонсоны и прочие — напавляют на себя кровавые обноски расовой «теории» Геббельса и Розенберга и провозглашают «верховной расой», «сверхрасой» так называемых англо-саксов и «стопроцентных американцев». Господа американские расисты пытаются оправдать кровавый позорный путь американской воюющей, отмеченный горами трупов и в Греции, и в Китае, и в Индонезии, и в Бирме, и в Малайе.

— Мы англо-саксы! — как будто провозглашают они. — Нам все можно!

Постояте, постояте, господа, нам вспомнится нечто подобное из минувших времен — время, когда США захватили, то есть, прости, «составили» Кубу и Филиппины. И опять-таки, то, о чем нам вспомнилось, связано с великим американ-

ским писателем и патриотом Марком Твенном. В дни, когда американские плантаторы, буржуа и капиталисты ликовали от захвата новых колоний, он «остаясь при особом мнении» и встретил скорбным негодованием тот позор, каким покрыла тогдашняя военщина звездный флаг Америки. Бесстрашно — и перед своим народом и перед всем человечеством — разоблачил тогда великий американский сатирик омерзительную колониальную «деятельность» американских генералов Фунстона и Смита — реацию мирных жителей, добывание раненых, пытки войско, словом, весь тот «организованный садизм», которым и ныне опозорили честь своего отечества американские ван флиты в Греции.

Их много, таких «завоевателей» и теперь. Американский генерал Орваль Андерсон, один из самых усердных «хлопотунов» войны, недавно заявил, что «атомная бомбардировка не противоречит самым высоким принципам демократии и гуманности». Английский лорд Тренчард сказал, что, как он надеется, можно будет уничтожить атомной бомбой от 15 до 20 миллионов человек в месяц.

Эх, ведь, раздалось, расстался англо-саксовский вурдалак!

Кровавые шуты! Как страшен для них мир!

«... разоблачило систему колониального угнетения и грабежа. Но руки коротки! И они прибегают к жесточайшим репрессиям, чтобы удержать эту систему в странах, где пока еще сохраняют господство.

На юге, по ту сторону Аравии, в тисках жесточайшего национального гнета томится трудящееся южное Азербайджана, пролинные и преданные иранскими реакционными правительствами.

Чем отличается, скажите, от кландишца тюрьма? Есть много тюрем за Араком, и в каждой — смерть и тьма. Моих единокровных братьев там заточил Иран. Я слышу скорбные их стоны, я вижу кровь их ран, — пишет советский азербайджанский поэт С. Рустам в сборнике стихов «Два берега». Сборник пронизан пафосом изобличения «боссов» с Уолл-стрит, рвущихся к мировому господству, пытающихся захватить народно-освободительную борьбу. Неисчислимы их злодеяния в Иране, где «планом Маршалла рожденный, вырастает, что ни год, призрак голода и смерти, призрак пыток и невагод». Это здесь.

Распродав гниль и раны много тысяч бурто-тонов, Свою волю в Тегеране утверждал Вашингтон...

Но как бы ни злобствовали заокеанские хищники, борьба народов ширится и растет. Ее возглавляют тысячи беззаветных героев, победных тому иранскому революционеру, о котором написал С. Рустам. Этот безымянный герой итеранца палацами, брошен в темницу, но и перед лицом смерти не оставляет борьбы. На вопрос товарищей по камере, как его имя, он отвечает:

«Я коммунист, хотя не выдан еще мне партийлет. Я коммунист, — вот мое имя. Другого больше нет. Я коммунист. Пусть знамя правды пылает надо мной. Я коммунист. Без страха кончу короткий путь земной». Он рухнул на холодный камень. И в расступившихся тьме. И ярким солнцем осветилась подземная тюрьма.

Пред этим солнцем незаметным бессильна смерть сама.

Грузинский поэт Г. Абашидзе в стихах «На южной границе» переност нас в другую страну.

Этой же не Иран, эта земля, которую именуют турецкой. Только именуют, ибо и в Турции, западной англо-американским империалистам, хозяйничают те же алчные выкорышки Уолл-стрита.

Детройтские клеветы блестят на столах... Усев далекие склоны, Здесь янки засели в окрестных горах, — Здесь линия их обороны!

Но как бы ни бесновались фальшивчики новой войны, народы мира неотступно следуют за их проклятиями. Рядом с могучим советским народом, против которого прежде всего направлена пресловутая «оборона» англо-американской воюющей, стоят сотни миллионов простых людей мира. Они властно и гневно говорят войне: «Нет!».

Этой мыслью проникнута воззвания поэта С. Вургуня «Говорят нет». В Америке, качающейся своей «демократией», фашисты Уолл-стрита считают нетвор полюбуйтесь. Герой поэмы — нег-художник — от имени своего народа говорит:

Давайте, братья, создадим закон
Один для всех народов и времен:
— За мир! За жизнь! За счастья торжество!
Народы, голосуйте за него!

«Ох, как надо поспевать за тобой, Пети Слонов! Сколько тебе надобно инструментов, книг, готовлен. И какие еще желания появятся у тебя завтра в Москве. И еще — когда вернешься! И еще — после летнего отпуска на швертботе! Старые времена жизни говорили: «Ни одно колесо на фабрике не повернется, если я не сниму барышей с каждого оборота». А ведь Пети Слонов — хозяин помогущественней! Вся индустрия великой страны «двигается» на сверхскоростях своими станками и моторами, чтобы лучше было жить Пете Слонову.

В мире, где больше ничто не возбуждает преступных потребностей: купил — продал, насытил, господства, — по тысячкам тропок сходятся к человеку его нравственные, добрые, человеческие желания.

Как легко слышатся мне сейчас голоса этих желаний — и самых первоначальных и самых глубоких и возвышенных, о которых не мечтали человек-одиночка. Пришлите нам книжку для рожденья! — про то, как воспитывать нашу Ганючку. Электрифицируйте поселок. Старый колхозный лед, ты поедешь в Ливадью. Бата, ты будешь рожать под присмотром врачей. Ждем фильма о Пушкине. Вооружите курсы механиков МТС самоходным комбайном. Книжку — почтой! Нам нужен Дом культуры. Мы критикуем этот учебник. Высылайте встречать первую партию автобусов. Мы хотим знать, как сажать эвкалипты. Научите наших парней и девочек распознавать сердце настоящую любовь. Почему вы, писатели, не пишете книг, похожих на книгу Фомы Кампанеллы, — есть же потребность заглянуть в будущее...

А я недавно Мопассана читал, — внятно проносил, не поворачивая головы, Степан Петрович, обращаясь не то к шиферу, не то к нам, сияющим поэтам. — Там у него крестьянка из Эльзаса, переселенка, так у нее одно земное счастье: кочан капусты. Не родит Аляжар капусту!

Однако личину твою видел и мысля твою знаю наперечет. Тебе сейчас, в твоим деньгам, только жальтесь. «Мы на лодочке катались...» Она думает!

— Где вы видели? — недоверчиво вопрошает токарь. — Какая это?..

— Из колхозопрокатного... В зеленом березке... Та, что «Колхозную энциклопедию» для багья... Отвечай — тошо?

Слонов не любит шутки:

— Мы своих не сваем.

— Ишь ты, родимые пятна! А влюбилась? А полюбил?.. Есть такая дума?

Слонов молчит, вконец расстроженный разговором. Потом задумчиво говорит:

— А вы ведь всех моих дум не знаете... — Так-таки и не знаю?

— Так и не знаете, — неожиданно жестоко и убежденно закручивает токарь шестого разряда и выбрасывает из машины, стараясь быть и высокомерным, и снисходительным, и неспроизводимым на вид, но это ему не удается даже в густом тумане. — Вообще наговорились. Пора спать...

Слышны его удаляющиеся шаги по асфальту. Полковник смущенно свистает папку на заглядок.

Скоро все затихает в нашей коробочке. Мартовская ночь. Туман.

Долго не сплю. Хорошо думается в такую ночь. До самой Эльбы, до австрийских Альп, где я кончал войну, не найти усадьбы-ворона, где живут богачи на холме с подстриженным парком. Не найти человека — до самой Греции, до мутного Аравии, — такого человека, который бы учил других: «творите нужду»...

На тысячах километров вокруг никто не умирает с голоду, оттого что Пети Слонов работает за десятых. Никто в ночных кабаках не спьянует товарищей Пети Слонова, как бы это ни было выгодно, никто не возбуждает темных чувств непристойными фильмами и не торгует в киосках порнографическими журналами.

Ох, как покраснел, вскочил, смутился токарь шестого разряда! Мальчишка советского времени. Степан Петрович, глядя, даже поспетел, улыбнулся. И Петр Слонов, заметив, сразу поджал губы, сделался неприличным.

Вот и сейчас он такой сидит. Полковник доверяет:

— Есть вещи, о которых человечество сотня лет мечтает, а ты молчишь, токарь. А еще «гремишь» по всему заводу... Есть много замечательных душевных потребностей. Потребность в достоинстве, в знании, в красоте. Потребность быть всегда на переднем крае борьбы. С этой великой потребностью шли под кулацкие обрезы, стремились в Арктику. А там и в Испанию, на фронт... Читал Петра Павленко «Счастье»? Там Воропаев, инвадид войны, начинает с того, что записывается в хуторяне. А — бежит. Бежит опростеться к людям! Нельзя ему в одиночестве. Он советский, Пети... А вас, к примеру, швертбот...

— Да что вы с вашим швертботом, ладно вам! — захихает петин голосок.

— Сиди, не шуми, — допекает полковник. — Ничего плохого в швертботе...

Ох, как надо поспевать за тобой, Пети Слонов! Сколько тебе надобно инструментов, книг, готовлен. И какие еще желания появятся у тебя завтра в Москве. И еще — когда вернешься! И еще — после летнего отпуска на швертботе! Старые времена жизни говорили: «Ни одно колесо на фабрике не повернется, если я не сниму барышей с каждого оборота». А ведь Пети Слонов — хозяин помогущественней! Вся индустрия великой страны «двигается» на сверхскоростях своими станками и моторами, чтобы лучше было жить Пете Слонову.

В мире, где больше ничто не возбуждает преступных потребностей: купил — продал, насытил, господства, — по тысячкам тропок сходятся к человеку его нравственные, добрые, человеческие желания.

Как легко слышатся мне сейчас голоса этих желаний — и самых первоначальных и самых глубоких и возвышенных, о которых не мечтали человек-одиночка. Пришлите нам книжку для рожденья! — про то, как воспитывать нашу Ганючку. Электрифицируйте поселок. Старый колхозный лед, ты поедешь в Ливадью. Бата, ты будешь рожать под присмотром врачей. Ждем фильма о Пушкине. Вооружите курсы механиков МТС самоходным комбайном. Книжку — почтой! Нам нужен Дом культуры. Мы критикуем этот учебник. Высылайте встречать первую партию автобусов. Мы хотим знать, как сажать эвкалипты. Научите наших парней и девочек распознавать сердце настоящую любовь. Почему вы, писатели, не пишете книг, похожих на книгу Фомы Кампанеллы, — есть же потребность заглянуть в будущее...

А я недавно Мопассана читал, — внятно проносил, не поворачивая головы, Степан Петрович, обращаясь не то к шиферу, не то к нам, сияющим поэтам. — Там у него крестьянка из Эльзаса, переселенка, так у нее одно земное счастье: кочан капусты. Не родит Аляжар капусту!

Алексей ЮГОВ

Под ж ты: среди правителей Америки одна возможность появления гудоба мира провозгла перешло. Сенатор Уорри даже настояло перепугался, что завонял о «вторжения» в США... настоятеля Бен-терберийского собора Джозюна и художника Пьялосо!

До сих пор психиатрия знала о душевнобольных такие «фобии» (то есть «страхи»), как, например, боязнь площадей — «агорафобия», боязнь острых предметов — «аймофобия». Теперь государственный департамент обогатил психиатрию еще одной фобией — «мирофобией»!

Нет, им непонятно миролюбие сильных и их! Невня американец Бернхэм в книге «За мировое господство» пишет: «Следует признать, что мир не может быть целью внешней политики».

— Вот как?! — удивится бесхитрый человек. — А что же тогда является целью политики?

Ответ на это дает нам заглавие этой гнусной книжонки, какими завален сейчас книжный рынок Америки: «Мировое господство! Этот политический оракул поучает: «Необходимо отказаться от последних остатков умершего (?) учения о равенстве наций, и США должны открыто выдвинуть свою кандидатуру (слушайте, слушайте!) — А.Ю. на мировое господство», «необходимо расстаться с принципом невмешательства во внутренние дела других стран».

Общезвестно, что с целью подорвать изнутри экономические, промышленные основы бытия европейских государств, в самую сердцевину их национального хозяйства введён «тройничий конь» пресловутого «плана Маршалла». Способность европейских западных стран к сопротивлению растекается американской проведью космополитизма, отказа от своей народности и государственной самостоятельности. Американские борозницы, продажные перья на все лады возмущают, что Соединенные Штаты Америки — это «мессия XX века», что США должны «составить весь остальной мир американским образом жизни». Каким же это? — позвольте спросить: не тем ли образом жизни, благодаря которому великий американец Марк Твен, издеваясь сквозь слезы и горестно негодуя, назвал свою родину: «Соединенные Линчующие Штаты»!

Нет, вряд ли позарится трудящиеся Европы на тот «образ жизни», при котором миллионы безработных обитают в трущобах, сотни тысяч «стоют» из мурных ашпков, когда взрослые, почтенные буржуа, отцы семейств, объединенные тайным обществом Ру-клуб-клуб, во имя кровавого хулиганства и политической расправы с прогрессивными деятелями, подвешивают ночью в машинах к какому-нибудь бедному жилищу, нарядженые в шелковые, с порезами для глаз и для рта, балахоны, вываливают неудобного им человека и, набросившись на него всем табунном, удавливают веревкой — «длинчуют»!

Господа поджигатели войны — все эти хитрые смиты, брадлы, джонсоны и прочие — напавляют на себя кровавые обноски расовой «теории» Геббельса и Розенберга и провозглашают «верховной расой», «сверхрасой» так называемых англо-саксов и «стопроцентных американцев». Господа американские расисты пытаются оправдать кровавый позорный путь американской воюющей, отмеченный горами трупов и в Греции, и в Китае, и в Индонезии, и в Бирме, и в Малайе.

— Мы англо-саксы! — как будто провозглашают они. — Нам все можно!

Постояте, постояте, господа, нам вспомнится нечто подобное из минувших времен — время, когда США захватили, то есть, прости, «составили» Кубу и Филиппины. И опять-таки, то, о чем нам вспомнилось, связано с великим американ-

ским писателем и патриотом Марком Твенном. В дни, когда американские плантаторы, буржуа и капиталисты ликовали от захвата новых колоний, он «остаясь при особом мнении» и встретил скорбным негодованием тот позор, каким покрыла тогдашняя военщина звездный флаг Америки. Бесстрашно — и перед своим народом и перед всем человечеством — разоблачил тогда великий американский сатирик омерзительную колониальную «деятельность» американских генералов Фунстона и Смита — реацию мирных жителей, добывание раненых, пытки войско, словом, весь тот «организованный садизм», которым и ныне опозорили честь своего отечества американские ван флиты в Греции.

Их много, таких «завоевателей» и теперь. Американский генерал Орваль Андерсон, один из самых усердных «хлопотунов» войны, недавно заявил, что «атомная бомбардировка не противоречит самым высоким принципам демократии и гуманности». Английский лорд Тренчард сказал, что, как он надеется, можно будет уничтожить атомной бомбой от 15 до 20 миллионов человек в месяц.

Эх, ведь, раздалось, расстался англо-саксовский вурдалак!

Кровавые шуты! Как страшен для них мир!

Все громче и громче становятся требования и американского народа установить мир путем советско-американских переговоров. «Мы хотим мира. Мы не просим его, мы его требуем!». Мы не хотим никакой бомбы — ни атомной, ни бактериологической, ни просто тринитротолуоловой! — гласит страстное и гневное требование «простых людей» Америки, которое каждое должно раздаться на митингах и собраниях трудящихся США. «Непристойным самоволеством» назвал известный американский физик Моррисон политику Ачесона.

На призывы к всеобщему миру «атомные диктары» отвечают дикой хулой на Советский Союз и на страны народной демократии, разжиганием военного слухоза и усилением подготовки к войне.

Что ж! Пусть беснуется! — Мы спокойны, ибо мы сильны: с нами правда, с нами сотни и сотни миллионов «простых людей», с нами товарищ Сталин.

Было время, когда этот человек починил своему полководческому гению, воле ход испанских сражений от моря до моря и определила победоносный исход войны.

Мы знаем, что Сталин победит и в борьбе за нерушимый и демократический мир! Что же касается судьбы агресоров — англичанских и американских, то она известна нам заранее: ее предсказал Ленин. Вскоре после первой мировой войны он говорил, что Англия и Америка «идут, безумно зарываясь», как в свое время германский империализм.

«Сначала он невероятно раздулся на три четверти Европы, разжирел, а потом он тут же и лопнул, оставляя страшнейшее злоевие. И в этом злоевии мучится теперь английский и американский империализм».

Так сказал Ленин. Значит, так оно и будет: ибо слово Ленина и слово Сталина непреложно!

Приятно смотреть на старика и осознавать, что в этой жизни — вся история русского рабочего класса. И та памятная демонстрация, откуда родилась «Мать» Горького. И баррикады пятого. И бонь нападтого. И — с прототипами за хлебом. И отгорды в голодное время на тех пустырях, где ныне большой завод... В кармане поджак, в бумажнике, знаю, хранится потерял любительская фотография — Степан Кутасов и Алексей Толстой в Бисловске, в паре на скамеечке. Собеседники...

«Долго ли ты живешь, Степан Петрович?» — спрашиваю мысленно, глядя на мастера. «Да как считать, — если по паровозам, сколько их выгнали за ворота, так будет за четыре тысячи. Нельзя сказать, долго ли ты жил или коротко, а можно сказать — еще маловато. Так вернись».

Степан Петрович извлекает часы. Звонко хлопает крышка. Я догадываюсь: старик проверяет время — на заводе сейчас гулок.

В затуманенной всеюленной начинает что-то свершаться: возникает кружочек, бьется в белом, потом желтеет, как масляное пятно. Это мартовское солнце. Вокруг него тотчас образуется тон белого пара. Вдруг проступает темная масса, а которой через минуту узневыя верхушки придорожных деревьев.

— Вы, полковник, нашего Слоновка не утадали, — мастер поворачивается всем грузным телом в нашу сторону, лицо его светлеет. — В войну у этого мальчишка ноги опухли, и он медленно ходил по полу, а выработывали, поверите, три нормы... Бартошка доходила до сорока рублей за килограмм. После работы Пети — в школу. А тут немцы бомбили. Наши так и грохочут по улицам — опробуются... Матери под окнами гревожатся. У Пети матери нет. Сидит — урок за уроком. А уж на последнем, чтобы глаза не засы-

пали — пальцами расстывает. Вот какой человек!

И Степан Петрович показывает, как можно «составить» веки глаз пальцами.

— А я помню, полковник, другие времена...

— Это вы верно, Степан Петрович, — несколько смущенно подкакивает полковник. Он, видимо, не ожидал, что старик так близко примет к сердцу его шутки.

— Пусть он пошире, поглубже забирается... Попадайте, не то еще будет! Его жалания растут рядом с обязанностями. Вот оно как хитро устроено! Вы не верьте ему, что он там свистает...

Старый мастер проносит это словечко как-то удивительно молодо, по-комсомольски.

— Я вообще вам скажу по секрету: молодых я никогда глумился не считал. До тридцати лет я глумился не признаю. Я об этом сужу не по свету, а по жизни.

— Талантливый парень, что вы, Степан Петрович, — оправдывается полковник.

— Вот и я говорю — талантливый. Большой человек! Люблю его... Как он давеча сорвался с лавки в домике Каширина!

Вся наша машина смеется при этом воспоминании. Смеется и смущенный полковник, который там не был, не видел. Во это время грузовик начинает нетерпеливо сигнализировать — пора в путь! Это Слонов горюлит шофера! Грузовик объезжает нас, берет скорость. И сразу, будто дернувший, туман трогается с места. Последние слои, уже пробитые снеговой и золотом, беспорядочно отлетают с асфальта — хлопьями, прядями, нитями. Вот он — необорзанный простор полей, о котором так хорошо думалось ночью. Солнце — во всю!

Какой же должен быть день, если такое утро!

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО СМ. НА 2 СТР.

гусное перо, щипцы для снятия нагара на свечах, и сами нагоревшие свечи. Здесь прошло детство великого русского писателя — в семье деда, старшины крестьянского пеха.

В ожидании экскурсовода Пети Слонов сел на кухонную красную скамью под потемневшими обоями. Рядом с ним — два курсанта-артиллериаста в новеньких фуражках. Тотчас заспорили — точно ли все здесь,

Разгром остатков гоминдановских войск в Китае

ОБЗОР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Опираясь на сочувствие и поддержку могучего лагеря социализма и демократии, китайский народ под руководством коммунистической партии Китая и своего выдающегося вождя Мао Цзе-дун в длительной и ожесточенной борьбе одержал великую историческую победу над силами антинациональной, реакционной гоминдановской клики, поддерживаемой международным империализмом. Тем самым китайский народ не только обеспечивает себе необходимые условия для мирного созидательного труда и процветания своей родины, но и вносит огромный вклад в дело мира. Уничтожение гоминдановской клики, на которую американский империализм делал ставку, как на свою преданную агентуру и ударную силу реакции в Азии, наносит самый сильный удар по всей системе мирового империализма, по всем планам империалистической агрессии.

***

Молодая китайская народная республика поставила перед собой в качестве одной из главных первоочередных задач завершение разгрома гоминдановской антинародной клики.

Гоминдановские реакционеры, потерпев полное поражение в Северном и Центральном Китае, сосредоточились в южных и юго-западных районах страны. Там под их властью оставались обширные территории с населением до 160 миллионов человек. Они располагали еще внушительными вооруженными силами численностью свыше миллиона человек. Наиболее крупной являлась группировка известного южного милитариста генерала Бай Цун-си, численностью до 300 тыс. человек, занимавшая провинции Гуанси, Гуйчжоу и юго-западную часть провинции Хунань. К северу от этой армии в провинции Сычуань сосредоточилась другая крупная группировка численностью до 200 тыс. человек, возглавляемая реакционным гоминдановским генералом Ху Цун-чаном. В Южном Китае, в провинции Гуандун, находилась армия южных китайских милитаристов численностью до 200 тысяч человек.

Гоминдановская клика рассчитывала превратить при помощи террора южные и юго-западные районы в свою базу и, опираясь на нее, продолжать вооруженную борьбу против Китайской народной республики.

Однако эти расчеты внутренней и внешней реакции провалились. Народно-освободительная армия в конце сентября 1949 г. начала новое крупное наступление. Первый удар был нанесен по гоминдановской группировке Бай Цун-си, которая являлась связующим звеном между гоминдановскими войсками в провинциях Сычуань на западе и армиями южных милитаристов. Три колонны 2-й и 4-й полевых армий мощными ударами прорвали на широком фронте укрепленную линию гоминдановцев в центральной части провинции Хунань и северной части провинции Гуандун и быстро продвинулись в тыловые районы врага. Лучшие части армии Бай Цун-си оказались разрозненными, линия фронта переместилась в провинции Гуанси и Гуйчжоу.

Разгром гоминдановских войск в провинции Хунань дал возможность народно-освободительным войскам предпринять наступление на юг Китая. 14 октября Народно-освободительная армия заняла столицу Южного Китая г. Кантон, а вскоре после этого — важные порты Амой и Сяото. Основные силы армии южных милитаристов были разгромлены наголову. Не дав врагу опомниться, народно-освободительные войска во второй половине октября и в течение всего ноября, преследуя врага, вели бой на полное уничтожение гоминдановских армий, пытавшихся отойти за пределы Китая. Только их остаткам удалось эвакуироваться на территорию, оккупированную французскими войсками во Вьетнаме, и на остров Хайнань.

1 ноября войска 2-й и 4-й полевых армий, находясь в Центральном Китае, начали наступление против гоминдановской армии, сосредоточенной в провинции Сычуань. 30 ноября была освобождена бывшая столица гоминдановского Китая город Чунцин. Гоминдановское «правительство» спешно бежало на остров Фор-

Хайнань являются базами гоминдановской авиации, откуда они получают американские бензины, бомбы и пр. Сотни американских советников продолжают руководить военными действиями гоминдановских войск и оказывать помощь гоминдановскому командованию в приведении в порядок потрепанных частей и подготовке новых пополнений. Для усиления гоминдановской армии Макартур направил на Формозу тысячи японских военных специалистов, вместо того чтобы судить их как военных преступников.

Отвечая на вопрос, кто бомбардирует китайские города, агентство Синьхуа справедливо указывает: «Самолеты — американские; бомбы — американские; летчики — частично американские, частично японские. Гоминдановцы предоставили только свое имя, опознавательные знаки на самолетах и некоторое количество персонала для выполнения приказов американцев».

На острове, если гоминдановские вооруженные силы не справятся с задачей обороны островов Формозы и Хайнань, в кругах американских империалистов вынашиваются планы оккупации этих островов американскими войсками. На продолжении войны против Китайской народной республики империалисты пытаются использовать Тибет, являющийся в течение многих веков составной частью Китая. Подстрекаемая ими, правая лухуаня и светская верхушка Тибета еще 8 июля 1949 г. провозгласила «переворот» и предложила всем китайцам покинуть пределы страны, а 11 августа провозгласила «религиозную войну» против демократического движения народов Китая. Реакционная клика с помощью империалистов пытается добиться признания «независимости» Тибета, утверждая, вопреки историческим фактам, что Тибет якобы всегда был независимым от Китая. Англо-американские империалисты прилагают усилия к тому, чтобы увеличить, переобучить и перевооружить 10-тысячную тибетскую армию.

Но и эти «новые» планы империалистов и их реакционной агентуры в Китае, рассчитанные на продолжение преступной войны, обречены на полный провал. Твердая уверенность Народно-освободительной армии в недалекой победе покоится на том, что ее усилия получают огромную поддержку со стороны не только народа освобожденных территорий, но и со стороны широких народных масс районов, занятых гоминдановскими войсками.

На острове Хайнань с 1938 года существует освобожденный демократический район. В настоящее время он занимает свыше половины территории (вся центральная и западная части) острова. Хайнаньская народно-освободительная армия в настоящее время успешно ведет боевые действия против гоминдановских войск.

Против гоминдановского режима также поднимается народ острова Формоза, который еще три года тому назад широким народным восстанием определил свое отношение к гоминдановской банде. Оставшиеся в центральной части острова после подавления восстания партизанские отряды с каждым днем увеличивают свои ряды и усиливают удары по гоминдановским войскам.

Большая часть гоминдановских солдат и офицеров, как вынуждены признают иностранные наблюдатели, не желает продолжать преступную войну. Это подтверждается многочисленными фактами перехода гоминдановских самолетов и перехода военных кораблей на сторону Китайской народной республики.

Провоканты англо-американских империалистов и их приспешники встречают отпор тибетского народа, жестоко страдающего под игом духовных и светских феодалов. Тибетцы, эмигрировавшие в провинции Синьцзян, Сикан, Цинхай, ныне тысячами выступают в ряды Народно-освободительной армии, готовясь к освобождению своей родины.

Все это с несомненной очевидностью свидетельствует о том, что славная Народно-освободительная армия с помощью населения Формозы, Хайнаня и Тибета в недалеком будущем разгромит до конца последние опорные пункты гоминдановской реакции и их хозяев — империалистов.

А. МАРТЫНОВ

ТАК ЖИВЕТ ПРОСТОЙ АМЕРИКАНЕЦ

УПРЯМЫЕ ФАКТЫ

Страшные истории, правдиво рассказанные Теодором Драйзером много лет назад, блещут перед нынешней жизнью рядового американца, которую великий писатель-реалист сейчас с еще большим правом, чем раньше, мог бы назвать американской трагедией.

Одно дело расписывать «американский образ жизни» на обложках иллюстрированных еженедельников; другое дело взглянуть на ту же самую жизнь, так сказать, с черного хода, вдуматься в цифры и факты повседневной действительности.

По официальным статистическим данным 1949 года, каждая пятая семья в Америке существует на доход менее чем в 20 долларов в неделю, каждая четвертая — на доход меньше 40 долларов и каждая вторая (то есть, в сущности, половина всего населения) — на доход менее 60 долларов в неделю.

Каков же прожиточный минимум и чему он равен в США? Несколькими годами назад федеральное бюро трудовой статистики определяло этот минимум бесспорно заниженной цифрой — 60 долларов в неделю. В документе, опубликованном теми же «трудовыми статистиками», черным по белому указывалось, что «каждая семья, зарабатывающая меньше 60 долларов в неделю, неизбежно должна терпеть нужду во всем жизненно необходимом». Эти данные публиковались тогда, когда в США еще действовал введенный в годы войны контроль над ценами и квартиплата, хоть в малой степени обуздывавший волчий аппетит квартирохозяев и торговцев. Теперь этого закона не существует.

Но перед тем как перейти к живым фактам. Перед нами несколько очерков из газеты «Дейли уоркер», рисующих жизнь и быт рядовых американских тружеников. Вот Джесси Перес, отец четырех детей, рабочий завода мясных консервов богатейшей компании «Армор» в Чикаго. Он зарабатывает около сорока долларов в неделю. Чикаго — прославленная «мясная

Семья безработного Халлса: жена и четверо маленьких детей уютятся в кузове полуразвалившейся грузовой автомашины.

столица» США. «Через руки рабочих мясной промышленности Чикаго проходит мясо всей страны, но для них самих мясо — роскошь. В лучшем случае они могут позволить себе мясо, и то самого худшего качества, какие-нибудь обрезки, один или два раза в неделю». Эти строки взяты из документа, составленного местной профсоюзной организацией, проводившей обследование положения рабочих чикагских скотобоев и консервных заводов.

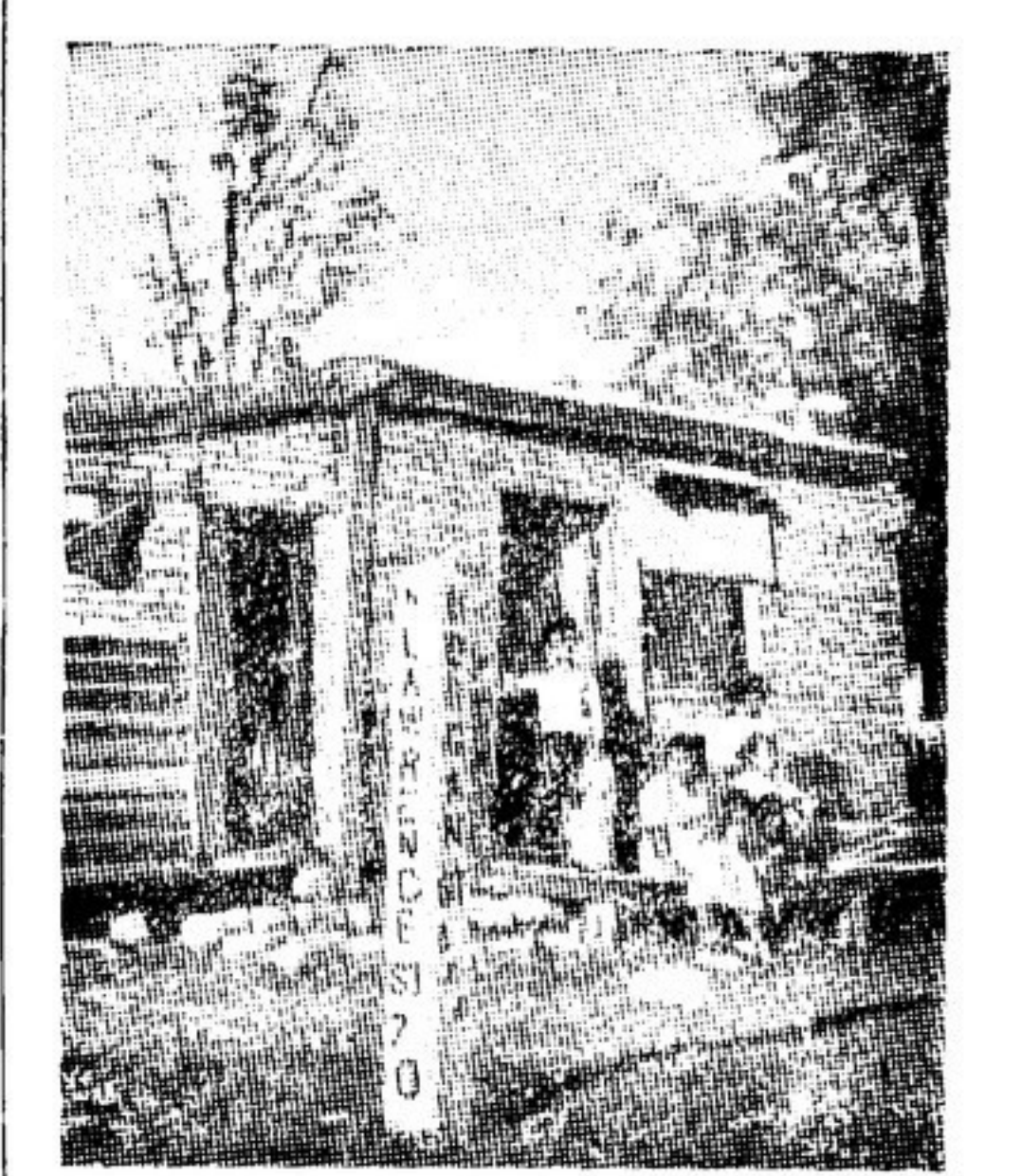
Дети Джесси Переса ходят в старой, поношенной, десятка раз латанной одежде. Сам глава семейства уже около шести лет не покупал нового костюма. Продукты в бакалейной лавке берет в кредит, и ее долг лавочнику угрожающе растет. Не приведи господь заболеть в этом «демократическом раю!» «Завтра я должна лечь в клинику, — в страхе говорит Элен — жена Переса — но деньги на врачей придется занимать».

А вот семья другого чикагского рабочего, точнее бывшего рабочего, а ныне безработного Халлса. В течение четырех месяцев Халлс не платил за квартиру и в результате вместе с женой и малышами был вышвырнут на улицу. Ныне Халлс со всем семейством живет в кузове полуразвалившейся грузовой автомашины.

Семья негра Джорджа Даниэлса из промышленного южного города Бирмингем живет в не менее страшных условиях. Семейство состоит из шести человек, а бюджет его составляет 17 долларов в неделю. Этого едва достаточно для того, чтобы толь-

ко не умереть. Даниэлсы пока живут не на колесах и не в кузове трехтонки. Но от этого им вовсе не легче. Они снимают квартиру в старом полуразвалившемся сарае с худой крышей, так что дождь — постоянный гость в их семье. На питание остается около десяти долларов. Ни у кого в семье теплой одежды нет, и в зимние месяцы дети часто хворают. Зато, — невесело шутят соседи, — у Даниэлсов есть одна выгода. Они по крайней мере не нуждаются в знаменитых американских холодильниках.

Посмотрите на снимок, воспроизведенный нами из американского журнала «Саттердей вечеринг пост». Это — жилище дома города Мобайл в штате Алабама. Такова «оборванная сторона доллара», такова подлинная жизнь трудящегося американца. Продажные писаки, не имея сил, надравываясь, как торгаш на рынке, рекламируют американские автомобили и радиоприемники, стиральные машины и сигареты, медикаменты, жевательную резинку и прочие блага. По этому поводу справедливо и горько замечает американская газета «Дейли уоркер»: «Увы, дешевыми радиоприемниками, высококачественными слабительными и жевательной

Трущобы в городе Мобайл (штат Алабама). В таких полуразвалившихся сараях, в безысходной нищете, живут простые люди Америки.

резиновой нелзя ни наполнить наши путые желудка, ни укрепить разбитые кости наших детей».

Мих. МАТУСОВСКИЙ

«Романтика» мусорного ведра

«Адвокаты капитализма» всех цветов и мастей, надравываясь изо всех сил, доказывают, что в царстве частной собственности и бесцеремонного чистогола женщина чувствует себя совсем неплохо. Правда, распускают они, быть может, ей иной раз чуть-чуть и «нехватает» полноты политических прав. Но зато эта «нехватка» якобы с лихвой возмещается столь возвышенными понятиями, как «поэзия домашнего очага» и «романтика материнства», а сама женщина вполне довольствуется тем местом, какое она занимает в кругу своей семьи.

Посмотрим же, что представляют собой на деле крикливо восхваляемые американской печатью рекламные понятия «поэзия домашнего очага» и «романтика материнства» в применении к миллионам про-

стых женщин — женам и матерям трудового люда... Пред нами фотография. В ней неприкрытая правда жизни, скупая и горькая повесть о том, как чувствует себя женщины капиталистического мира.

Вы видите женщину-мексиканку, одну из тех миллионов обездоленных тружениц, какие в США зачислены в разряд «неполноценных граждан». Она хорошо знает истинную цену всей этой лживой болтовне о «поэзии домашнего очага» в каторжных условиях капиталистической действительности. Тяжелая нужда заставляет ее, скрепя сердце, и закушенной до бои губой, рыться среди мусора, прищипывая слезы... Быть может, ей предстоит найти грязную бутылку, резиновую подметку или что-нибудь съестное...

Валерия ГЕРАСИМОВА

Говард ФАСТ

ПИКСКИЛСКАЯ ИСТОРИЯ

Четвертого сентября 1949 года, когда произошла вся эта грязная пиксвиллская история, Сид Маркус был там, где и следовало его искать: он стоял в почетном ряду рабочих, окружавших грузовик, на котором выступал Поль Робсон.

Если бы вы спросили, который из этих рабочих Сид, вам указали бы на высокого, круглолицего, плотно сложенного молодого человека лет двадцати восьми, с могучими руками рабочего, с большими, честными и смелыми глазами. Да, на такого парня можно положиться, если дела примут дурной оборот. Можно положиться и на его брата, который стоит сейчас там, на грузовике, в плотном кольце людей, закрывающих своим телом Робсона от фашистских снайперов, притаившихся внизу у подножья холма и выжидающих удобного случая, чтобы открыть стрельбу.

Но, как вам известно, в это солнечное летнее утро сначала все шло хорошо. Сид стоял на своем месте, его брат стоял на грузовике, тысяча людей, расположившихся по склону холма, слушали могучий голос Робсона, а еще ниже можно было видеть цепочку рабочих, которая опоясывала весь холм и охраняла собравшихся от фашистских молодчиков.

Накануне Сид рассчитывал отправиться этим утром к своей жене Сильвии, которую он не видел уже полтора месяца. Он не видел ее так давно потому, что последние десять месяцев его дела шли из рук вон плохо. Сид был заводчиком. Это хорошая профессия, и он мог бы зарабатывать до ста долларов в неделю. Но что значит профессия, если вы не можете найти себе места, а за все эти десять месяцев Сиду удалось только две недели проработать в одной мастерской!

Его маленькая пятнадцатилетняя дочь Поллина заболела бронхитом, ей нужны были свежий воздух и солнце. Жене Сиды постыдилось наняться официанткой в летний санаторий, она уехала и взяла с собой девочку.

Сид очень тосковал без жены и дочери. Но теперь они могли вернуться домой — два дня назад ему сильно повезло: он нашел работу.

Он поехал бы за ними с утра, если бы не должен был находиться здесь. Вчера вечером к нему пришли товарищи и сказали, что нужно организовать охрану Поля Робсона в Пиксвилле... Концерт закончился. Сид исполнил свой долг. Он отстоял свою вахту в почетном

карауле, оберегавшем народного певца, высокого, смелого человека с чудесным, глубоким, проникновенным голосом. Артиста охраняли рабочие. И это было естественно, ибо его голос и его песни — это голос и песни рабочих Америки. Рабочие знают это, и поэтому стены своих тел они оградили певца от фашистских выродков, в бешенстве оравших и размахивавших кулаками на дороге.

Сид собрался домой. Он сел в автобус, переполненный рабочими, их женами и детьми. Когда машина выехала на дорогу, в нее градом полетели камни. Их нивыриали бравые защитники «американского образа жизни». Женщины и дети легли на дно автобуса. Мужчины остались сидеть и наблюдали за дорогой. Сид сел рядом с водителем. Автобус двигался между двумя рядами бесноватых фашистов. Внезапно большой камень со свистом врезался в окно кабины и попал прямо в лицо Сиду. Тысячи острых, как бритва, осколков стекла впились в лицо молодого рабочего. Он оступил жгучую, режущую боль в глазах. Разомкнутое ударом камня лицо превратилось в одну сплошную кровавую массу, перемазанную с осколками битого стекла.

Автобус остановился. Друзья Сиды обратились за помощью к полицейскому. Они просили его указать, где находится ближайшая больница. Подицейский ответил им потоком грязных ругательств и ударил «справившего» резиновой дубинкой. «Идите вашу проклятую больницу сами!» Товарищи доставили Сиду в пиксвиллскую больницу. Здесь их встретили лощадной руганью и угрозами. Ничего, что хоть в малейшей мере напоминало сострадание, даже такое, которое оказывают иногда врагу на поле битвы.

Так начался для Сиды восемь недель адских мучений, восемь недель слепоты, восемь недель бессонных ночей от нестерпимой, ни на секунду не утихающей боли. В больницу, куда в конце концов удалось устроить Сиду, врач Марк Баум, лучший молодой рабочий, издевался над ним в духе пиксвиллских молодчиков и торжествующе кричал изувеченному человеку: «Все ваши ордена коммунистических газетов отправлены в тюрьму!»

Так познал Сид всю глубину ненависти, которую питают капиталисты к рабочему, так постиг он судьбу, которую готовят трудящимся американские фашисты. Удар, нанесенный ему в лицо, был страшен и жесток, но ни ничем не отпачился от тех ударов, которые были предназначены и для его товарищей...

И о том бы думал Сид в те ночи, когда мучительная боль не давала ему уснуть, его мысли постоянно возвращались к одному страшному вопросу: как будут жить его жена и ребенок, если он останется совсем слепым.

Однажды Сид удостоился посещения полковника Суни, который явился к нему в качестве представителя губернатора штата Нью-Йорк. Полковник орал на всю больничную, размахивая кулаками над кроваткой больного: «Кто заплатит вам, Сид Маркус? Кто заплатит вам за то, что вы поплы в Пиксвилл охранять Робсона?»

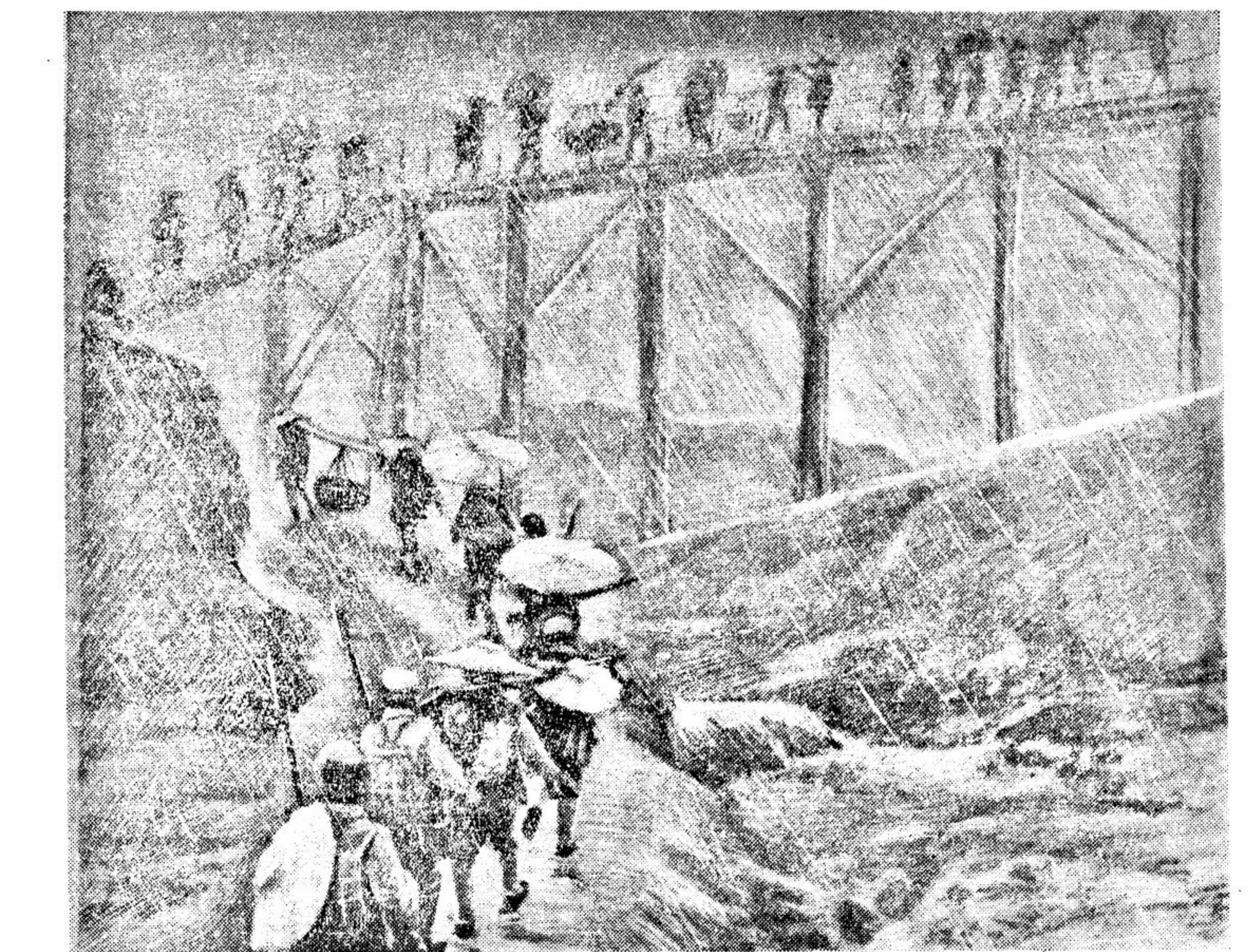
Старая омерзительная песня людей без чести и совести! Привыкнув мерить всех на свой аршин, они все оценивают на доллары, все, включая человеческую душу. «Убейте же к черту!» — ответил ему Сид. — Я — рабочий! Я — рабочий, и мне не о чем с вами разговаривать. Понятно!»

Он знал, что он говорит. Его отец и мать были рабочие, оба его брата — рабочие, и ему не о чем было беседовать с этим господином. Он не испытывал ни малейшего сожаления по поводу того, что произошло.

Он исполнил свой долг рабочего. Он исполнил его и раньше, когда вместе с товарищами выходил на демонстрацию или стоял в пикетаж забастовщиков. И разве то, что произошло с ним в это сентябрьское утро, не происходит сейчас с тысячами других людей там, в Испании, во Франции или в Северной Африке?

Для того чтобы преградить дорогу фашизму, Пиксвиллское такое же подходящее место, как и сотни других мест на земле. Это следует помнить.

Американский рабочий Сид Маркус запомнил это на всю жизнь. Глубокий прам останется навсегда на его лице. Он хочет, чтобы об этом знали другие. Он имеет на это право.

Солдаты Народно-освободительной армии Китая на марше. Рис. худ. К. ФИНОГЕНОВА (рисунок сделан во время пребывания делегации деятелей культуры и искусства СССР в Китайской народной республике).

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: 2-й Обыденский пер., 14 [для телеграмм — Москва, Литгазета]. Телефоны: секретариат — Г 6-47-41, Г 6-31-40, отделы: литературы и искусства — Г 6-43-29, внутренней жизни — Г 6-47-20, международной жизни — Г 6-43-62, науки — Г 6-39-20, информации — Г 6-44-82, писем — Г 6-38-60, корреспондентской сети — К 0-36-84, издательство — Г 6-45-45.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.